

Надежда Шкляева

The book cover features a detailed illustration. In the foreground, a woman with voluminous, wavy blonde hair and striking yellow eyes looks directly at the viewer with a serious expression. She has dark red lips. In the background, to the left, a man with a beard and glasses is shown in profile, looking towards the right. The setting appears to be an interior with warm, orange-toned lighting, possibly from a fireplace or a lamp, creating a dramatic and somewhat mysterious atmosphere.

ИНГРЕДИЕНТ

ТОМ 1

16+

Надежда Шкляева

Ингредиент. Том 1

«Издательство «Перо»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шкляева Н. А.

Ингредиент. Том 1 / Н. А. Шкляева — «Издательство «Перо»,
2026

ISBN 978-5-00289-015-6

Кастовая система – ловушка, из которой нельзя освободиться без риска... Но не рискнуть – значит, никогда не познать волшебства. Жажда магии, желание обрести бессмертие, межранговая любовь – всё заставляет героев столкнуться с мраком проклятия. Страшно оказаться в мире тёмного чародейства... Особенно хрупкой девушке, не обладающей даром... Юную Калитрикс не останавливают ни стражники, ни ранговая принадлежность, ни тайны зельеварения: поиск ингредиента захватывает её, и в погоне за разгадкой она едва не упускает истинные чувства... А ведь именно они становятся ключом от всех дверей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00289-015-6

© Шкляева Н. А., 2026
© «Издательство «Перо», 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Надежда Шкляева

Ингредиент

* * *

© Шкляева Н. А., 2026

Глава 1

Таких глаз ни у кого больше на белом свете не было. У такого цвета нет названия. Смотреть в них было до того страшно, что у меня немели кончики пальцев. Откуда-то возникало ощущение, что я становлюсь маленьким, точно микроб. Не знаю, что было сложнее: удерживать взгляд или наоборот – оторваться от заколдованных глаз. И что же это за цвет? Светло-зеленый с редкими янтарными вспышками... Казалось, что художник не дописал их, оставил незаконченными, и теперь они всегда смотрели чуть печально и тревожно. Будто эти крупные зрачки распиливали мою душу пополам. Я забывал свое имя и где я живу, стоило только ей взглянуть на меня из-под густых ресниц. Не скажу, что это сразу было любовью... Я без стеснений глядел на нее, как на внезапно разгоревшийся закат. Когда раздвигаешь шторы и вдруг замираешь в сладком волнении. Я забывал о том, что она всего лишь человек. Она была загадочным явлением. И оставалась им до тех пор, пока мы не заговорили. Ее кожа была до того бледной, что иногда казалась прозрачной, скулы вот-вот могли поранить ее до крови. Льняные выющиеся пористые волосы, как дымка вокруг цветущей робинии, всегда пахли перетертыми травами. Светлая и теплая, как солнце. Все в ее облике укрепляло за ней эти наивные слова. Если бы не взгляд. Если бы не ее прохладный взгляд, она бы называлась ангелом...

Я чувствовал, что она лучше, чем я. Даже если она в сотый рассказывала какую-то историю, мне казалось, что я слышу это впервые, по-новому, по-особенному. Как же я ее боялся... Точно она считывала мои мысли и выдавала острые шутки. Но даже резкий юмор из ее уст был моей любовью. Я боялся до нее дотронуться, чтоб случайно не обнаружить, что она – плод моего воображения. Я бы сто раз предпочел жить в прекрасной иллюзии и верить в то, что в несовершенном мире есть кусочек совершенства.

Ее руки всегда были теплыми, а прикосновения – нежными и деликатными, будто перышко, опустившиеся на землю. Сколько бы ни касался, никак не мог разгадать тайну ее волшебных рук. Хотя, должно быть, магия была не в руках, а в безграничной и чистой любви Кали трикс. У нее была способность любить все живое так, будто хватало на это сил. Оттого все и забывали, что она сама как никто нуждается в нежности и заботе. Люди видели в ней девушку красивую и чистую, приближались, чтобы коснуться того волшебства, что витало вокруг нее, источая запах персика и жасмина. Никто не боялся разбить этого хрустального эльфа, пока вдруг не послышался ледяной резкий стеклянный звон...

По правде сказать, ее никто не заслуживал. А я особенно. Но одна только мечта о ней согревала мою душу. Она делала глупости, и я влюблялся.

* * *

Калитрикс

Я ненавижу, когда опускается сырой туман. Когда прохлада обжигает ноздри, и становится тяжело дышать. Когда пальцы леденеют, и всюду мерещится запах тины.

То утро тоже выдалось не из приятных: прохлада быстро превратилась в отвратительный зной. В лесу было слякотно: мох как губка впитал дождевую воду и теперь издавал противные хрюкающие звуки при каждом моем шаге. Ботинки не промокали, но в них было чудовищно жарко и неудобно. Кожаный жакет уже едва не прилипал к плечам, как и нелепая белая майка в мелкий цветок. Но вряд ли существовало обстоятельство, позволяющее нам оставаться дома.

Я родилась в большой семье. Кто думает, что это очень круто, наверное, был бы прав, если бы семьи тут были обыкновенными: я имею в виду по крайней мере те, где можно говорить с родителями хоть каждый день. Я со своими не общалась уже почти четыре месяца. Родствен-

ные связи здесь не наделяют каким-то значением: мы словно большое стадо, где половина уже не помнит имена всех братьев и сестер. Не знаю, было ли так всегда, но мы живем не для себя.

Я могла бы сочинить для романа более милую и интересную систему, но не люблю приукрашивать, да и нет такого таланта. Я человек, а это значит, что лет через шестьдесят я умру и ничего здесь не оставлю. Мой клан принадлежит зимним эльфам. Быть на побегушках у таких долгожителей – то, что многие сочли бы за радость. Я же вообще перестала давать какие-то оценки происходящему. Я бы хотела жить иначе, но и не сказать, что чувствую себя несчастной.

День состоит из того, что мы совершаем обходы леса, перерабатываем кристаллы в пыль, да и просто выполняем самые глупые и самые мелкие желания эльфов. Однако, несмотря на то, как это жалко звучит, работа считается вполне почетной. Без перспективы роста, без возможности повысить статус, но. Учитывая, что бессмертные эльфы почти на вершине этой «пищевой цепи», а ближе нас у них буквально никого нет, я не в таком уж плохом положении: буквально чищу ковры, по которым ступают ноги великих, пока они обсуждают при мне смену власти и привилегии Чистых. Это возможность узнавать новости раньше, чем о них узнают маги и войны.

Что ж, время рассказать о той самой системе, в которой я живу.

Люди смертные вроде меня здесь могут становиться воинами, прислужой, охраной и прочим, чего только пожелают эльфийские сердца. Конечно, любая сказка не обходится без влияния социального и кровного статуса на то, как долго будет мучиться героиня, прежде чем выйти за принца. Не буду обнадеживать на исключение: родившийся в семье лесничих и уборщиков чаще всего им и остается. В семье, где кругом одни солдаты, – научиться держать лук и стрелы. Воины – каста страданий и самопожертвования. По правде сказать, общаться с ними довольно тяжело: бедолаги упоминают Господа Бога чуть ли не в каждом предложении. Что неудивительно при том, как активно в их головы закачивается вера. Видите ли, воины принадлежат себе даже в меньшей степени, чем мы. Они ощущают это кожей, кровью: трудно, должно быть, жить с пониманием, что рожден для чужих капризов; вот только капризы эти – не лишний раз почищенная обувь и корзина еловых веток, перевязанных бордовой лентой (и, конечно, чтоб непременно пахли морозом), а убийства, вооруженные конфликты с соседними эльфийскими кастами, развлекательные поединки и прочие кровавые развлечения и игры, ради которых эльф бы никогда не испачкал свои руки. Кровь воинов – это владения их хозяев.

Маги – высшая каста людей и низшая каста долгожителей. Те, кем я восхищаюсь, кем хотела бы стать. Они могут родиться людьми, а позже обрести бессмертие и возможность использовать магию. Среди них есть люди, которых судьба возвысила до полубожеств, а есть те, кого она жестко опустила: я имею в виду тех, что ранее были *Чистыми*.

Чистые – высшая каста света. Светлые бессмертные ангелы, которые не живут человеческой жизнью, лишены способности быть несчастными. Чистые живут в вечном служении Богам. Вечно счастливы, вечно прекрасны, вечная квинтэссенция доброты и самопожертвования. Да и выглядят весьма «чистенько»: что ни взглянешь на их компанию, так не сможешь оторваться от волшебных золотых кудрей и сияющей кожи. Они, конечно, похожи между собой, но все же разные...

Помню, еще в детстве встретила Чистого впервые, в лесу. Дорога была сухой и чистой, и всюду пахло солнцем и травами. В воздухе кружила пыльца, зависая желтым облаком над кривыми срезами пней; звонкий стук дятла на фоне мягкого хруста веток под ногами каждый раз останавливал меня, и я боялась сдвинуться с места, чтобы не прервать природной музыки. Солнце слепило глаза, и я сняла шнурованные ботинки. Ноги ощутили сухость прохладной земли и колкость шершавых камешков. Я дышала глубоко и нарочно очень медленно, представляя, как какой-то невидимый шарик хрустального воздуха катится по моему горлу, нежно и легко опускаясь куда-то в живот, и по телу пробегала щекотка. Теплые лучи целовали мой

затылок, и я ускорила. Я бежала вперед, и свет играл со мной в прятки между рубиновокрасных стволов ароматных сосен. Я вдруг ощутила такое счастье, что чуть не задохнулась.

Он сидел на поляне, поглаживая мох руками. Его волосы были не кудрявыми, а гладкими и блестящими, уложенными чем-то влажным, приглаженными к затылку, а их цвет напоминал песочный. Его кожа была очень светлой, а на щеках персиковый румянец. Я боялась приближаться, и меня выдавала только одышка. Он поднял на меня глаза: они оказались темно-синими с голубыми прожилками. Вокруг носа рассыпались веснушки, а губы были почти красными. Я глядела на него и долго не смущалась: вернее, я не чувствовала того смущения, с которым обычно глядела на юношей. В нем не было ничего забавного, ничего пугающего, ничего однозначно мужского или женского: только свет. От этого он переставал быть человеком: он был божеством, к которому страшно прикоснуться, с кем невозможно заговорить. Его белые рубашка и брюки даже при том, что он сидел на земле, оставались сверкающе чистыми и пахли жасмином.

Он ничего не сказал, только улыбнулся. Отчего-то ладони стали липкими, а сердце бешено заколотилось. Все звуки вдруг стали громче и прекраснее, включая мое дыхание. Оно никогда не было таким мелодичным и мягким. Он вдруг встал и приблизился ко мне. Чтобы сравняться со мной, он нагнулся. Я вдохнула новый сладкий арбузный запах. Он вдруг коснулся моих волос теплой рукой и достал оттуда веточку азалии.

Я вздрогнула, не понимая, как она могла там оказаться. А он хрустально засмеялся, и голос был ниже, чем я себе его представляла: бархатными переливами он будто приумножил мое умиротворенное полусонное состояние, и я перестала понимать, где нахожусь.

Когда уходил, он ступал так мягко, будто его босые ноги совсем не касались земли. Меня потянуло в сон.

Их нельзя наказывать, их нельзя оскорбить... Если, конечно, не хочешь стать проклятым.

Что со мной не так, не знаю, но *проклятых* я не боюсь. Более того, они меня завораживают куда больше, чем чистые.

Как удивительно красиво мрак поглощает их некогда светлые души, как горят страстью их глаза, сколько агрессии в их движениях, как пахнет морозом воздух вокруг них... Что не так со мной? Но в них так легко влюбиться. Черные мантии с перламутровым отливом словно гипнотизируют меня. Сладкий запах ореха, карамели, сахарных персиков и гари, от которого кружится голова, не дает покоя. Остается только смотреть, как мимо пролетают их силуэты. Они неидеальны. Скажем, у чистых не может быть разных глаз, небрежно пушистых волос и такого страшного пожирающего взгляда. Проклятые выглядят как хотят. Но все притягивают меня как магнит.

Раньше я боялась этого. Я даже думала, уж не одержима ли я дьяволом, но сейчас мне кажется, что их магнетизм действует на всех, но никто не в силах в этом признаться, поэтому мы активно притворяемся, что ни разу не думали о том, каким бы сладким был поцелуй с одним из проклятых.

Здесь все. Бывшие воины, перешедшие на другую сторону; люди, которые помогали до чистых; маги, возомнившие себя богами и переступившие черту. Некоторые делали это по своей натуре, из жадности могущества, из тщеславия, но есть и другие. Я говорю о тех, кто нарочно гнался за своим проклятием. Вместе с особым обликом им даруется бессмертие.

Да, мне тоже тяжело понять, как такой дар числится в наказаниях, однако большинство, кто оказывается по ту сторону, не чувствует себя счастливее с обретением вечной жизни и сочли бы за благословение возможность снова стать смертным.

Что если действительно с ощущением неизменно приближающего конца и рождается жажда ловить прекрасное? Может, в бессмертии весь смысл нашей жизни растворяется словно капля вина в ледяной реке. В природе человека не заложен навык беречь то, что ему дано без

всякого ограничения. Что имеем, не храним, так, что ли... То есть, мы бываем счастливыми только от того, что умираем?

Среди бессмертных много тех, кто хотел бы умереть. Но проклятые лишены этой возможности.

Эльфы. Каста королей, графов и наших хозяев. Засранцы держат под контролем смену времен года и стихию в целом. Кто не распознает эльфа среди людей? Можно сказать, это написано на их облике красной строкой. Холодные лица, идеальная кожа и это ослепительное сияние волос. Острые черты лица, признаюсь, завораживают, однако живостью они не отдают. Что ж, и у их лиц есть свои поклонники. Многие и вовсе считают, что лишь эльфы обладают пленительной магией завораживающий красоты, но, как я уже сказала, мое сердце принадлежит другой касте. Живут они очень долго: вплоть до четырех столетий; но все же эльфы смертны, как и люди. Хотя и после определенного возраста визуально не стареют.

Есть что-то и жуткое в том, что они не меняются: никогда не знаешь, имеешь ли дело со своим ровесником или двухсотлетним стариком. Мне всегда казалось, что это их рычаг для насмешек над смертными: кто знает, вдруг они каждый раз называют новый возраст и имя, чтобы развлекаться с наивными людьми вроде меня. Ну а что? Я бы легко всему поверила, когда в глаза смотрит эльф. Что ни говори, а взгляд этот точно заставит подчиниться и проникнуться.

Хотя, возможно, дело во мне: многие считают, что я наивна, ну а у меня нет причин это оспаривать.

Система каст уникальна, но не прекрасна. Гармония есть, но счастливы здесь далеко не все.

Если вернуться к магам... В общем-то, это просто люди. В основном, смертные, как и я. Но их каста для нас недостижима. Они родились в других семьях, жили в других местах и занимались уж никак не обходами лесной территории, чтобы однажды сказать «я маг». Колдовство – не единственная привилегия, которая им доступна. Среди них есть политики, торговцы и, в общем-то, представители всех возможных профессий. Маг может стать кем захочет, в отличие от *смертных*. Да и при желании может добиться даже бессмертия, но только собственными магическими силами. Это большая редкость: в основном, никто или не желает того, или не в состоянии осуществить.

В них, в общем-то, нет ничего особенного. Уж всяко поскучнее проклятых.

Такие же, как мы, хотя они-то, возможно, бывают счастливы: по-моему, мы не то чтобы смертельно несчастны, а скорее перестали анализировать, что чувствуем, так что находимся в перманентном состоянии между меланхолией и агрессией. Мы отупели до того, что уже не можем ощущать счастья и любви.

Раньше я мечтала чувствовать. Понять, что значит плакать от счастья, смеяться от эйфории, а не в ответ на глупую шутку, и сгорать от любви. Каково это: быть готовой на всякие глупости, пылать под чужим взглядом и тайком смотреть на кого-то, а потом перед сном вспоминать запахи и звуки. Любить так, чтобы потели руки и кружилась голова, восхищаться и вдохновляться одним лишь только взглядом; услышав голос, обретать силу на все, о чем раньше можно было лишь мечтать; иначе чувствовать и вкусы, и ароматы.

Я была маленькой, когда одна колдунья научила меня кое-чему важному. Сидя на полянке, я пыталась сплести венок из ромашек, но все выходило ужасно. Пальцы были до ужаса грязными и пахли почвой и травой, разбитые колени ныли и кровоточили.

Она появилась из ниоткуда. Будто ветви сами расступились перед ее решимостью и грацией. Она была высокой и стройной. Ее черные волосы были собраны в высокий конский хвост. В ее чертах было нечто загадочное, восточное и строгое: яркий макияж темных миндалевидных глаз приковал мой взгляд, и я не желала от этого освободиться, вернее даже, была не в силах.

– Здравствуй, – произнесла она с улыбкой, – не выходит, да?

Ведьма кивком указала на цветы. Я покачала головой...

В воздухе повисла тишина. Колдунья подняла вверх правую руку и будто нащупала что-то в воздухе. Не успела я опомниться, как кончики ее пальцев заблестели, и она стряхнула их в мою сторону.

Серебряные блески рассыпались на мой недоделанный венок, и тут он стал магически преображаться. В него вплелись удивительной красоты голландские розы. Он крутился на весу так быстро, что я едва могла разглядеть, что с ним происходит. В конце концов вместо хлипких стеблей образовались тонкие прочные ветви кофейного цвета. Венок стал напоминать роскошную диадему.

Он остановился и медленно опустился в мои руки. Повернув его к себе, я обнаружила, что по центру осталась ромашка, но ее лепестки блестели ярко-желтым золотом.

– Ой, – вскрикнула волшебница, – ромашку, наверное, надо удалить.

И она снова подняла руку.

Я вскочила на ноги и замотала головой, издавая неопределенные звуки.

– Н... нет, – наконец, выдавила я.

– Не надо? Оставить так?

Я торопливо закивала.

Она наградила меня уверенной улыбкой и присела рядом. Когда она оказалась так близко, я стала различать дорогой и популярный парфюм. То, что таким, как я, обычно недоступно. Хорошо, что я контактирую с эльфами нередко, чтобы отличить зерна от плевел: к счастью, к запахам я не равнодушна, и прокачала свою память на ура в подобных делах.

– Помни, что достойна самых лучших роз, пока *кто-то* может предложить лишь ромашки.

Я повернулась к ней, чтобы сказать, что ромашки люблю больше, но она уже растворилась.

* * *

Калитрикс

В то утро я не успела позавтракать, и теперь каждый собранный кристалл по ощущениям весил в два, а то и три раза больше обычного. Дорога во дворец шла вверх, чему мои колени не были рады. Кто бы что ни говорил, но ты молод до тех пор, пока не шагаешь по крутым ступенькам около получаса. И хоть я хожу туда часто, в особо жаркий период делаю это, ведя бой между совестью и усталостью. В голове трещало, в теле вскипала кровь. Вдруг меня приласкал живительный ветер, и дышать стало чуть легче.

В общем, спасибо, что я не умерла во дворце.

Кстати сказать, каждый день он выглядел чуть по-разному. Дворец можно было застать в хорошем настроении: заснеженным и словно пушистым, а можно было натолкнуться на его ледяной колючий нрав. Хорошо если он не удумал подкинуть путнику препятствия в виде, скажем, острых как лезвие льдин, растущих откуда из-под земли.

Сегодня он был прекрасен: серебряные симметричные башни правого и левого крыла блестели под лучами солнца. Центральные часы с краями-снежинками сверкали так ярко, что больно было взглянуть.

И вот они забили «десять»: из-под циферблата выехал маленький белый олененок и принялся звонко отбивать копытцем по серебряной подставке. От каждого удара в воздух поднимались колючие на вид снежинки.

В этом дворце было что-то готически острое. Недаром все говорили, что от одного только взгляда на его твердые стены на душе делалось холодно и страшновато.

– Я к госпоже Талви, – сказала я на входе.

Старый стражник Зойл опустил рычаг, и ворота заскрипели.

– Будь осторожна, Калитрикс, она сегодня не в настроении.

– Как и всегда, – буркнула я и шагнула внутрь.

Во дворце всегда было прохладно, но я не спешила надевать куртку: прохлада приятно касалась мокрого от пота тела. На третьем этаже все было сиреневым: моя госпожа не принимала других цветов, кроме белого и оттенков фиолетового. Впрочем, я тоже находила их красивыми, так что это совершенно не резало мне глаза.

Я дважды постучала ритм, как и было оговорено, и подождала восемь секунд прежде чем заходить в ее спальню после того, как услышала «Войдите».

– Ах, это ты, Калитрикс. Со своей грязной сумкой. – пренебрежительно произнесла она.

– Да-да, это я. Здравствуйте, моя Госпожа.

Я приземлилась на колени и покорно поклонилась.

Что сказать о Талви. Она всегда удивляла меня своей красотой. Очень высокая: настолько, что приходилось буквально задира́ть голову, разговаривая с ней. Ее темные волнистые волосы, словно усыпанные микроскопическими бриллиантами, источают запах кровавой вишни. Глаза удивительно большие и ужасно холодные: будто замерзшие голубые озера. Нос с горбинкой и пухлые губы: то, чего я никогда не увидела бы ни у кого из моей большой семьи. Худощавое, бледное тело с выраженными ключицами могло бы вызвать у любой человеческой души обледенение, но я видела в нем уникальность ценного шедевра.

– Довольно поклонов, – властным голосом крикнула она, поправляя пояс шелкового халата.

– Прошу прощения, моя Госпожа.

– И не кидай на пол сумку. Лучше держи ее в руках.

Понятия не имею, как можно удерживать в руках мешок с кристаллами, когда ты сама лежишь на полу в глубоком поклоне.

– Да, Госпожа.

– Что ты принесла? Сколько их?

– Восемь.

Я по очереди стала доставать кристаллы из сумки.

Происхождение камней напрямую влияло на их цвет. К примеру, камень, образовавшийся от скопления «излишков» колдовских усилий сезонных эльфов, – зеленый. Розовый – камень, выведенный магами. Белые камни самые редкие: они образуются на местах, где умер эльф или маг. Голубой – камень, дарованный Богами. Ну, а красный. Их происхождение для меня окутано тайной: почему-то никто не рассказывает людям, как образуются такие кристаллы. Их запрещено собирать и относить эльфам. Они их не принимают...

– Пять зеленых, розовый и даже есть один белый.

– Да. На этой неделе в лесу была дуэль. А голубые?

– Ни одного.

– Боги в последнее время не щедры, – вздохнула она.

– Да, Госпожа.

– Что ж, – она театрально тряхнула волосами, – я одобряю. Можешь начинать.

И я ушла, хлопнув дверью.

В моей мастерской, в подвале дворца лампочка вечно мигала. Запах сырости уже перестал меня доносить. Сидя в этих четырех кирпичных стенах я охотно погружалась в работу. С кристаллами нужно было проделать несколько вещей прежде чем вернуть: три этапа чистки, подогрев и растирание в пыль. А затем полученный порошок расфасовывается по крошечным баночкам, и я вновь возвращаю их в Талви. И, если она того пожелает, тут же разбавляю водой для получения добавок.

Что меня удивляет в этом? Абсолютно все. Начиная с того, как так выходит, что камень вдруг растворяется в воде, окрашивая ее в собственный цвет. И оканчивая тем, что одни из самых могущественных существ мира нуждаются в том, чтобы пить кристалл, чтобы поддерживать собственные силы. Да, все это странно. Но такова система. Хотя, по правде сказать, напиток им не необходим. Это скорее нечто вроде витаминного комплекса для энергии. Умрет ли без него эльф? Конечно, нет. Но с ним сезонная магия крепчает.

Так что у мастеров инструментов завались: тут и щеточки всех размеров и форм, ножи, заговоренные терки, кастрюльки и прочее. Поначалу я путалась в этом металлическом мире, а сейчас могу делать это и в полудреме, и параллельно размышляя о погоде, и делая заметки. Писательство не единственное, что могло бы меня занять, однако лишь для этого предоставляются условия: не начнешь же петь в пустом лесу. Хотя, думаю, когда я сойду с ума от бесконечных кристаллов, мне уже будет все можно.

Красные камни... Вы когда-нибудь замечали, что чем более запретна вещь, тем сильнее она манит? Эти кристаллы всегда были моей главной загадкой. Иногда даже мои сны были связаны с разгадкой их цвета. Не заикливаться на этом было просто невозможно. И хоть я не могу никак опробовать их действие (если, конечно, не хочу рискнуть быть проклятой за то, что возомнила себя невесть кем), я стала собирать их...

К моменту Той ночи ими были наполнены четыре шкатулки средних размеров... Да, не густо, но и красные камни встречаются не так уж и часто.

Я много чем увлекалась, но эта коллекция была мне дороже всего. Если бы только можно было стать эльфом хоть на день. Вряд ли уж от этих камней умирают.

От перетирания перчатки быстро грязнеют и рвутся, так что на каждый кристалл я беру новую пару. Знала бы Госпожа Талви, как это бывает тяжело, может, не говорила бы со мной так высокомерно.

И вот я уже несу восемь стаканчиков с разноцветными напитками. Они шипят и отбрасывают цветные тени.

– Сначала белый, – говорит Талви.

И я послушно подаю стакан. Она закрывает глаза и выпивает.

– Почти так же прекрасен, как и голубой, – задумчиво протянула она.

«Каким, интересно, был бы красный?» – подумала я.

– Как насчет ветра? – лукаво подмигнув, спросила она, как только закончила с напитками.

– Прохлада не помешает, Госпожа.

Легкими беззвучными шагами, точно кошка, она проскользнула к балкону и отворила дверь. Эльфийка покружилась вокруг своей оси и снова поправила блестящие волосы.

Ее глаза загорелись серебряным свечением. Она скинула халат и оказалась на балконе абсолютно обнаженной.

Честно говоря, ее нагота никогда меня не смущала: тело казалось настолько совершенным, что не воспринималось как настоящее. Я могла даже смотреть на нее без всякого стеснения. Волшебница в блаженстве закрывала глаза, наслаждаясь собой. Иногда на меня находила зависть. Я говорю не о шикарном теле и безупречной коже. Речь о высоком уважении к самой себе и возможности сказать «нет» даже самой стихии, возможность поманить пальцем любого, и он будет не в силах отказать.

Вдуматься в это слово «любого» – и можно сойти с ума.

Я завидовала и тому, что при всем своем хрупком виде Талви могла бы защитить себя на все сто: поговаривали, она блестящая дуэлянтка. Что ж, в это мне легко поверить: ни о чем она не спрашивала с бо льшим интересом, чем о недавно прошедших поединках. Однако, для меня неважно, что происходит на ее тренировках: если навыки сражения ею не используются в реальной жизни, то, полагаю, ее агрессии и вспыльчивости недостаточно. Но, с другой сто-

роны, кто станет бросать вызов той, кто в любой момент может вызвать тайфун, если конечно, держать в норме упомянутый витаминный баланс.

Она подняла руки и принялась вращать указательными пальцами. Вокруг нее засиял голубого цвета обруч, который тут же ударился о мраморный пол и разбился. Она нагнулась через перила и взмахнула рукой. Поднялся ветер, и ее волосы взметнулись в воздух. Талви посмеялась и зашла в комнату, хлопнув дверью балкона.

– Так-то лучше. Скоро должна наступать осень, так что никакого преступления. Завтра уже начнут опадать листья. Ну, а ветер, – она задумчиво посмотрела в окно, – через пять минут будет совсем легким. Это я так, играюсь.

Я довольно улыбнулась: жара меня изрядно утомила.

– Ну иди, Калитрикс. Отдыхай.

Я поклонилась и повернулась к двери.

– Стой, – вдруг крикнула она и подбежала ко мне.

Наверное, было немного странно, что она стояла ко мне вплотную обнаженная, но здесь я уже ничему не удивлялась.

– Ты можешь кое-что передать? Нужно будет дойти до той стороны леса, но ты же сможешь, верно?

– Да, Госпожа.

Ну а что еще я могла ответить?

Ее глаза весело заблестели, и она побежала к постели. Я наблюдала за тем, как она запустила руки в наволочку и, что-то бормоча, вытаскивала оттуда какие-то бумажки. Что ж, у всех свои причуды. Наконец, она достала голубой конверт, закрепленный алой печатью.

– Вот, – сказала она, и мои руки соприкоснулись с ее ледяными пальцами, – возьми и иди в осенний дворец. Скажи, что это от Талви. Письмо для господина Сайруса.

– Для Сайруса?

– Да! – нахмурившись, вскрикнула она, – а чего переспрашиваешь?

– Для уверенности, моя Госпожа.

Ее лицо смягчилось.

– Хорошо. Ну, ступай. Давай. Скорее. И никому об этом не говори.

И дверь за мной захлопнулась.

* * *

Калитрикс

«Никому не говори». Хм. Да мне и говорить-то, пожалуй, некому. Но зато я активно поворчу об этом сама с собой. Может быть, так делают только сумасшедшие, но у меня нет причины бояться оказаться в их числе.

Благо, легкий ветерок в исполнении Талви как всегда неплохо освежал, да и дорога шла вниз.

Вот так все и началось. С этого письма, которое мне было приказано доставить. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю о том, как много могло бы никогда не случиться. Удивительно, как нашу судьбу может определить один-единственный момент, одно предложение, не говоря уже о встрече, хотя это, на удивление, не будет казаться судьбоносным в режиме реального времени.

Лес уже проснулся и выглядел приветливее, чем утром. Я шла и представляла, как прекрасно здесь будет осенью. Пусть сосны не оденутся в золото, но осенний запах всегда действует на меня по-особенному. Уже с августовскими дождями я чувствую, насколько живительна прохлада леса, когда земля источает аромат влажной травы и ломаных веток. Осенью трава сохнет и покрывается серым инеем.

У разных эльфов он получается уникальным. Талви хоть и не любит создавать его, но и в этом она весьма талантлива: ее иней серебряный и блестит даже без всякого солнца. Иней малышки Луми отливает в синеву: это считается недоработкой, но эльфийка еще не достигла того возраста, в котором этого стоило бы стыдиться. У их отца, Горго, он сурово-серый, и клянусь, именно этот эльф своей работой погружает лес в оцепенение и страх.

Знали ли вы, что деревья все чувствуют? Шедевры эльфов влияют на настроение леса не меньше, чем верховная стихия (я говорю о различных катаклизмах). Пусть считается, что землетрясения и наводнения вызывают люди, прогневившие Богов, но земля от сурового наказания страдает не меньше.

На лес во время засухи было больно смотреть. Я хорошо помню картину, когда под ногами мох смешивается с песком и пылью, и в глазах возникает ощущение окаменения. Деревья ноют и скрипят, и лес не щедр на подарки. Прижимаешься к деревьям и не чувствуешь спасительной энергии.

Бывает, что деревья засыпают навсегда, а иногда умирают мучительно и долго. Кора соскабливается от легких касаний, и эльфы уже не украшают стройную сосну. Она точно мертвец теряет свой цвет, дыхание и мысли. Становится даже не древесиной, а декорацией леса, незаметной в сложенном сосновом ряду. Может быть, это история о том, как уникальный становится одним из тысячи. Быть может, сосны чувствуют подобное, когда умирают? Но умирают не от того, что пора, а от того, что попали под наказание верховное.

К сожалению, такие жертвы людей и магов волнуют мало. Однако нет тех, кто не замечает засушливых недель.

Ну, а под инеем, сосны чувствуют себя как в новом наряде.

Осенью я надеваю пальто с глубокими карманами и всегда прячу туда холодные руки: для варешек тепло, да и к чему, если есть карманы? Я с наслаждением глотаю студеной воздух.

Что таить? Нет человека, который в такие моменты не представляет, каким зимним эльфом он бы стал. Повелителем ледящего страха, любителем ветреной меланхолии или добрым волшебником, дарящим всем пушистую и солнечную зиму? Может, дело в преданности, но я в восторге от серебряной магии Талви. Малышка Луми, конечно, покоряет мое сердце, но сложно оценивать того, кто еще не достиг и двадцати, а для эльфа лишь сорок лет – рубеж, после которого они перестают меняться внешне. Хоть моя Госпожа и выглядит на человеческие двадцать, она пересекла его уже пару десятков лет назад.

Пусть для меня фаворитами остается каста проклятых, но все же я рада, что работаю именно с зимними: пусть лучше в гневе тебя окатывают лавиной, чем осыпают ожогами.

Осенний дворец был роскошным.

Золотые стены создавали совсем иное ощущение, нежели обитель зимних эльфов.

Мое настроение улучшилось уже тогда, когда я переходила реку по желтому мосту, на золотых перилах которого были выведены разных размеров и формы листочки.

Дворец сиял золотом, и на башнях красовались пики с позолоченными кленовыми листьями на концах.

Я решительно нажала на звонок. Послышалась нежная музыка.

– Вы к кому?

– К Сайрусу, – отвечала я, – у меня послание от Госпожи Талви.

В приемной будке опустилось окошко, откуда выглянула женщина с ярко-рыжими волосами.

– Прямо-таки из дворца зимы? – и она оглядела меня с ног до головы.

– Да, – ответила я.

Она снова внимательно посмотрела на меня.

– Ты не слишком молода, чтобы служить эльфам?

«А вы не слишком стары для глупых вопросов?»

– Нет, я там, можно сказать, с детства.

И она опустила рычаг.

Внутри было суетно. Мое появление заметили не сразу. Всюду бегали эльфы в золотых одеяниях и стоял запах облепихи. Здесь было теплее, чем в чертогах зимних эльфов, но мне куда ближе бодрящая прохлада. Наконец, я решилась окликнуть красивую девушку. Когда она оглянулась, мне стало холодно от неожиданности: я привыкла к резким и надменным взглядам ледяных дам, но никак не к приветливой улыбке. От нее пахло выпечкой, словно она только что спустилась из обеденного зала.

– Здравствуй, – сказала она, – ты к кому?

– К. Сайрусу, – заикаясь, ответила я, позабыв про приветствия, – я от госпожи Талви.

Ее глаза округлились, и я снова обратила внимание на густые ресницы.

– Талви? Из зимнего дворца? Ты с ней?

– Я? Да.

– О-о-ох, – протянула она, – и как оно? Должно быть, невыносимо, – добавила шепотом.

– Госпожа бывает весьма мягкой.

– Ой, – она схватила меня за руку, и мы зашагали к окну, – мне ты можешь рассказать что угодно, я болтать не стану, – эльфийка улыбнулась, – я же вижу: ты очень молода для прислуги, наверное, тяжело.

– Нет, я справляюсь неплохо.

Что ж, мне не то чтобы было не на что жаловаться, но родительские наставления давно вывели привычку доверять эльфам: соблюдение субординации – лучшее, что может нас обезопасить. Ни разу дружба между ними и людьми не становилась крепкой, а то и вовсе приносила одни проблемы.

А сейчас дело и вовсе касается межкастовых отношений, в чем я точно отказываюсь участвовать, дабы не быть врагом для всех.

– Да брось. Неужели ни разу не думала перейти сюда?

М-да уж, вот это поворот.

– Я вот как раз подыскивала помощницу.

Еще хлеще.

– Нет, – почти отрезала я, – меня очень устраивает мое место.

Она обиженно надула губки и посмотрела в окно. На несколько секунд я и сама забыла, зачем пришла.

– Ах да, – выдохнула я, – мне нужно передать письмо господину Сайрусу.

Она резко повернулась ко мне и, если мне не показалось, закатила глаза.

– Провожу.

Мы шли по красному коридору, затем по винтовой лестнице из темного дерева (возможно, сказала бы больше, если бы разбиралась), а я все вдыхала запах ее волос, который, пока я шла позади, ярко напоминал печеное яблоко с корицей.

Наконец перед нами возникла тяжелая золотая дверь.

– Стучи, раз надо, – сказала дама и ушла.

Я уставилась на дверную ручку в виде птицы. Как удивительно быстро изменилась та девушка. И зачем она притворялась такой милой? Учítывая, что я здесь, возможно, в первый и последний раз, вряд ли нужно производить на меня хоть какое-то впечатление. Да и мне, впрочем, все происходящее без разницы: давно бы передала письмо и растворилась в воздухе, если бы могла.

Я уже поднимала руку, чтобы постучать, когда из двери вдруг вышел мужчина.

«Человек», – сперва подумала я.

И весьма сильно ошибалась. Впереди грозной широкоплечей фигуры шел ярко ощутимый аромат: запах сандала переплетался с каким-то нежно-йогуртовым облаком дыни и

ванили. Подобной многогранности я еще никогда не наблюдала, только если это не проклятый. Дальше убедиться, что я не ошиблась в предположении, не составило труда. Он был одет во все черное: длинный кожаный плащ, брюки и высокие ботинки – и выглядел взрослее всех в этой начищенной эльфийской сказке. От него веяло человеческим, агрессивным, чувственным и слегка тревожным. Он замер и посмотрел прямо на меня.

Я попыталась разглядеть его лицо: он выглядел на человеческие тридцать пять. Темные брови, острые скулы и бледная кожа создавали холодный и слегка немецкий образ. Я не разглядела его глаз из-за фотохромных очков. Его волосы были частично белыми, и не исключено, что это своего рода отражение проклятия: древняя магия нередко лишает цвета, что некогда был ярким и выделяющимся; под нижней губой чуть справа был небольшой шрам. Все в нем было каким-то болезненным, но прекрасным, включая вишневый цвет губ.

Проклятый. Никаких сомнений: уж слишком сильно от него пахло мужчиной. Один только его внимательный взгляд уже смутил меня, и я физически ощущала, как он рассматривает меня в ответ.

Затем произошло нечто странное: мужчина нагнулся ко мне и щелкнул пальцами. После чего исчез без следа, а я даже не успела ничего понять.

Но я его запомнила.

Что касается Сайруса, ему описания не нужно: обыкновенный слегка смуглый брюнет: типаж, который не впервые трогает сердце Госпожи Талви.

Он выглянул, я представилась и протянула письмо. Юноша взял его и закрыл передо мною дверь, даже не поздоровавшись, но зато наградив ослепительной улыбкой.

Лучше бы поздоровался.

* * *

Калитрикс

Может, служить эльфам – не работа мечты, но, честно говоря, я бы сто раз предпочла уйти во дворец и выполнять самые странные капризы Талви, чем оставаться с родными в доме.

Мой дом самый обыкновенный. Не сказать, что какая-то развалюха, но моя эльфийка не согласилась бы здесь даже в туалет сходить. Дома из красного кирпича – предел мечтаний обслуги вроде меня и моих родных. Мы все служим разным эльфам. Более того, эльфам разных стихий и сезонов.

Меня никогда не интересовал мир летнего волшебства, никогда не привлекали штуки вроде морских или звездных чудес. В зимнем мире я нашла свою душу. Здесь я дома, ведь я такая же: прохладная, сдержанная и вечно подавляющая собственную агрессию. Во мне есть острые льдины, которых моя душа не найдет ни в одном другом времени года. Во мне есть страх закружиться в буране, но я никогда не боялась «замерзнуть» в статичности и постоянстве жизни. Стабильность – то, что мне всегда было нужно. Таков уж мой темперамент: я не любитель спонтанности, не понимаю, к чему колесить по миру, судорожно фиксируя, как живут люди в других странах. Меня беспокоит лишь мой комфорт и здоровье близких.

Я устроена проще. Кто-то скажет, что это банально и, пожалуй, говорит, о моем скудумии, хотя. Мне нравятся люди с таким внутренним ритмом. Всегда знаешь, чего от них ожидать. Они редко вгоняют окружающих в стресс; думают, прежде чем сказать, и вообще: они излучают такую энергию, словно ты сидишь с пледом возле камина.

Да. Так я могла сказать о себе несколько лет назад, а сейчас это замученная ложь, которую я говорю своей семье, чтобы уберечь в сохранности их мнение, что я счастлива и не собираюсь прыгать выше.

Собственно, «прыгать» я и правда не собираюсь, потому что не вижу направления... Однако теперешняя шкура мне становится маловата. Жажду приключений я начала замечать в

себе, когда Талви стала периодически влюбляться в тех, кто непременно жил не то за лесом, не то вообще за границей облаков. Кстати говоря, я часто размышляла о феномене, когда человек (ну, или, видимо, эльф) склонен находить свою любовь так, чтобы тем самым создать себе препятствия. Некоторым просто нравится чувствовать себя героем драматичного сериала.

Я передавала записки, выясняла предпочтения, отслеживала, сплетничала, слушала ее слезные рассказы и. Получала от этого несказанное удовольствие. Иногда действовать нужно было осторожно, иногда резко; общаться иногда деликатно, иногда решительно. Я училась жить и чувствовать через чужую любовь, моя жизнь становилась насыщенной, пока я использовала чужие краски. Но этого мне стало мало. Иногда я не могу заснуть от того, что представляю, какими могли бы быть мои дни, если бы я родилась в другой точке мира: каждый вечер, представляя себя жительницей новых и новых городов, я успокаивала свои нервы и, пусть искусственно, но ненадолго чувствовала себя счастливее. Я замахивалась на разные профессии, имена, страны, семьи и положения в обществе, но мне по-прежнему стыдно представлять себя не человеком.

Я уже призналась себе, что хотела измениться. Подняться хотя бы до уровня магии. Но мне совестно даже от того, что в мою бесстыжую голову закрадываются эти наглые желания. Разве меня не учили искусству смирения и скромных молитв?

Как же быстро меня скрутила жажда жизни, и я стала молиться о свободе. И пусть мои родные никогда не узнают о моих мечтах, но в них и есть настоящая я.

Потом меня захватили эти красные камни. Странно, что многое в несовершенной системе скрывается от простых людей.

Например, отчего мне нельзя выпить напиток из кристаллов? Что со мной было бы? Обратимо ли это?

* * *

Калитрикс

Я встретила его снова, когда относила очередное послание. На этот раз незнакомец со мной поздоровался. Его голос я представляла совершенно другим: не иначе, как низким и хрипловатым. Однако голос был мягким и мелодичным, хоть и отличался неожиданной бархатностью. Он сказал: «Здравствуй», – и снова посмотрел на меня очень странно. Не знаю, с чего бы проклятому здороваться с человеком просто так.

Я оцепенела и отвесила отработанный поклон.

– Это ни к чему! – раздраженно произнес он, и я подняла глаза.

Он был гораздо ближе, чем в прошлый раз. Его запах ударил в голову, и мне резко стало тяжело стоять. Он уже не смотрел мне в глаза, зато без стеснения разглядывал с ног до головы. Я зачем-то замерла, как будто ожидая окончания его сканирования. Я не нервничала, но почему-то чувствовала себя очень плохо: казалось, что у меня вдруг свело и шею, и ноги. Я уставилась в стену и только сейчас заметила, что на ней изображены маленькие синички. Синица – символ мира и счастья. Не сочетается все это с тем, что сюда пускают этого проклятого.

И, надо сказать, проклятие действительно ярко ощущалось: на секунду мне показалось, что от него идет какое-то красное свечение, но стоило мне повернуть голову, я убедилась, что это плод моего воображения. Из-под очков на меня смотрели страшные глаза: один из них был настолько черным, что я не могла разглядеть зрачок, а второй и вовсе был застелен серой пеленой. Я раньше никогда не видела слепых: подобных недугов не бывает в эльфийских сказочных мирах. Единственная страшная болезнь – это любовная лихорадка, что так часто прилипает к Госпоже Талви.

Честно говоря, я иногда завидовала ей. Влюбчивость – привилегия, которая не всем доступна. В ее случае это своего рода игра в завоевание чужого внимания. При такой долгой жизни. Пусть развлекается, как хочет. Удивительно, что каждый раз это происходит искренне, от души. Каждый раз она сходит с ума. Каждый раз задыхается от восхищения и засыпает с мыслью о своем герое. Каждый раз плачет от того, как счастлива чувствовать. А может, в этом и есть секрет счастья? Может, Госпожа Талви буквально подпитывается тем, что бесконечно кого-то любит. Хотя, если задуматься, в этом она не уникальна: пожалуй, мы все так устроены.

Человек создан страстно любить, до костей чем-то гореть, до дрожи чем-то увлекаться. Создан страдать из-за невозможности прикоснуться к объекту воздыхания, из-за того, что не может достичь взаимного понимания. Только не всем доступна гендерная, да и вообще человеческая любовь. Но пылать все равно нужно. Нужно переживать моменты, когда захватывает дыхание, краснеют щеки и кажется, что вот-вот лопнешь от того, какой ты счастливый. Страшно вдруг умереть, не зная, каково достигнуть пика этого самого счастья. Пылать работой, утренней рутиной, заботой о себе, пробежкой вдоль берега, когда подошва мягко шаркает о землю и кажется, что остальных людей почти не существует: ты поставил их на паузу для того, чтобы увидеть этот мир таким, каким он бывает, когда на него никто не смотрит. А пейзаж, как и ты, когда остается один, снимает с себя холодную маску, и вода нежно и лениво, словно только проснувшись, обнимает песок и протягивает к небу руки. Когда все сверкает без золота и бриллиантов: просто от того, что ты влюбленно смотришь на воду. И ты понимаешь, как улыбается мир, и посылаешь ему лучи своего обожания, и вдруг хочется быть добрым, чистым: таким, каким ты задуман, таким, каким был до того, как повзрослел. И кажется, что, подняв упавшего, ты ненадолго почувствуешь эту самую опору, держась за его дрожащую руку.

Эмпатия – лекарь твоей души. А не было бы так, то и любить было бы незачем. А как оно возможно: любить и не сострадать? Разве только назвать любовью желание присвоить. А для взрослой души нет потребность считать своим закат. Признаем его прекрасным и любимым и при том, что он ничей.

Так вот и она любит не для того, чтобы быть с ним, а для того, чтобы чувствовать, восхищаться и никогда не стареть.

Ну а мне это пока не доступно. Так что вот она я, еле стою, пока незнакомец продолжает меня разглядывать, а уже в ответ плююсь на его лицо. И этот дьявол на сей раз показался мне еще красивее.

Он был так близко, что я слышала и чувствовала его дыхание. Проклятый дышал часто и взволнованно.

Тут открылась дверь и к нам вышел Сайрус. Он лукаво улыбнулся, когда незнакомец резко дернулся в противоположную от меня сторону, как бы боясь, что его застанут так близко.

– Это Калитрикс, – сказал осенний эльф, указав на меня рукой, – она прислуживает Талви.

Но он просто кивнул и быстро удалился. Я вопросительно посмотрела на Сайруса.

– Это Райос, – пояснил он, – уже больше двухсот лет он проклят.

* * *

Калитрикс

И вот я снова не могла уснуть: меня преследовали мысли об этом проклятом. И в итоге вспоминала не столько его страшный взгляд, сколько запах. В этот раз ароматы так крепко сплелись, что уже не определялись, а вызывали только лишь ассоциации. Я вдыхала его и была где-то в лесу. Будто я бежала туда долго-долго, чтобы скрыться ото всех, а теперь мое тело липкое и уставшее, я стягиваю с себя одежду и встаю на пушистый мох, который источает запах дождя. Меня не пугает даже треск ветвей: какой бы это ни был зверь, он слишком мал,

чтобы меня напугать. Я совсем одна, но мне не одиноко и не скучно. Мои волосы блестят и с каждым дуновением ветра щекочат мои плечи. Я слегка дрожу от уже ощущаемой прохлады, но не спешу одеваться: мое сердце так сильно бьется, я боюсь не прочувствовать момент.

Я открываю глаза и понимаю, что всего лишь лежу в своей постели, и нет здесь никакого мха, как и источника прекрасного запаха.

Зачем он приходит во дворец? А главное, к Сайрусу! Неужто с этим красавчиком есть, о чем говорить? Райос выглядит куда умнее. Работать там он не может. Да и как вообще его туда пускают? Разве проклятым можно в эльфийские чертоги? Даже на меня там косятся, а его будто не замечают. Хотя я определенно видела, как он расхаживал свободно, не прибегая к телепорту.

А может, он – моя фантазия? Да. Давно я не чувствовала здесь движа и насыщенности. Может, мне просто не хватает сказки, как и всем людям? Чур, я занимаю роль принцессы в высокой башне, которую никто никогда не спасет. Я бы сидела там и не высывалась долго-долго, а потом спасла бы себя сама, уехала на Байкал и нашла бы там свою любовь, человека, который вовсе не знал бы, что я принцесса, а полюбил бы за то, что я интересная и смешная. Как вообще можно спасти человека, которого не знаешь? Что если он не стоит спасения? Кто гарантирует, что принцесса до этого не ела новорожденных детей?

Ладно, шучу. Думаю, что он все-таки существует и теперь не дает мне спать. Что меня больше в нем волнует? Его облик или проклятие?

Он как те самые красные камни: я не знаю, откуда это взялось, и не могу перестать об этом думать. Бороться с искушением выпить это зелье? Да, это про меня! Как и бороться с желанием в следующий раз спросить у него что-то. Например, почему ему разрешено вообще находиться у эльфов? И почему он не в «Земле»?

«Земля» или «Долина» – территория проклятых и магов, которые у них обучаются. Как известно, маги – всего лишь люди, долго обучавшиеся этому искусству. Поговаривают, проклятые преподают не хуже смертных взрослых колдунов, а то и лучше. Но их убежище находится отдельно от остальных людей и называется «Земля», поэтому определенных к ним учеников ссылают туда же для обучения и проживания. На ближайшие несколько лет. В среднем, базовые заклинания осваиваются за четыре года, но иногда проклятые продвигают даже самых мало обещающих юнцов до уровня собственного колдовства.

Вот она, моя любимая загадка похлеще камней. Как они это делают? Ни одна книга не смогла дать мне ответ. Я, конечно, не из тех, кто верит, что в «Земле» творятся паранормальные и незаконные вещи, но вряд ли проклятые прибегают исключительно к консервативным методам.

Однако, консерваторами считаются многие известные колдуны: Паул, Эрл, Артемида. Те имена, которые все здесь знают с детства. Но среди них двое, по слухам, обучались у проклятых.

Их царство окутано легендами и поверьями. Признаться, я бы расстроилась, если бы узнала, что там все обыкновенно, а остальное – лишь сказки. Куда интереснее верить, что где-то происходят мистические преобразования из смертного в Великого мага, а из чистого – в узника проклятия.

Интересно, как это ощущается? Как они чувствуют, что вдруг перестали источать свет, но обрели злость и силу? Как ощущается, что ты вне закона? Что это за чувство? Страх или пьянящая свобода?

Каждый раз, стоит встретить проклятого, я думала, что они свободны как никто. От них пахнет людьми. Пахнет силой и яростью, страстью и грехом.

У меня нет доступа ни к чистоте, ни к мраку: я пустая и ни окрашена ни в белый, ни в красный. Так не лучше ли напиться крови, чем довольствоваться разбавленным молоком?

Разве может очаровывать ощущение, что перед тобой стыдятся и таят от твоего света, если есть возможность чувствовать, что тебя страстно хотят, а в то же время всепоглощающе боятся?

У меня много грехов, но все они бестолковые. Я не хочу становиться злой, но и проклятые – не все злодеи.

А кем я хотела бы стать? Красивой, сильной и свободной! А последнее есть только у них. Я принялась считать овец, и мне приснился странный сон.

Я была чистой. Помню, как я расхаживала вместе с Ними по лесу в белом платье, и мои волосы почему-то пахли арбузом. Я вдыхала их аромат и медленно поворачивалась к идущему рядом. Мы почему-то держались за руки с этим парнем. Его кудри были медно-рыжими, но угольно-черные глаза выбивались из огненного образа. Парень смотрел на меня весело и даже как-то игриво. Я не смущалась и продолжала его разглядывать. От его белой рубашки исходил запах сливы, сладкий и ненавязчивый, какой-то «добрый» запах. Стройный парень повернулся ко мне и принялся меня целовать. Приятно не было. Скорее, я ощущала какую-то тревогу, а остановиться не могла. Мои губы были точно заколдованы, откуда-то доносились крики чаек: все громче, громче. В теле застыл ужас.

– Калитрикс! – послышался строгий мужской голос.

Рядом стоял мужчина с такими же золотыми волосами, однако выглядел он гораздо старше.

– Проклятие пришло по твою душу.

Я не успела ничего понять, как вдруг на языке закололо, будто там запрыгали сотни маленьких иголочек.

– За что? Что я сделала?

– Соблазнение чистого – очень тяжкий грех.

– Но я не.

Меня снова обожгло до костей. Чувство несправедливости терзало глотку. Я тонула в густом тумане.

* * *

Калитрикс

Я проснулась с мыслью о проклятом незнакомце. Все в нем мне стало казаться пугающе красивым. Как долго я отрицала в себе способность восхищаться кем-то, а тут я даже не знаю, чем именно он цепляет мою душу: удивительно, что иногда люди полны прекрасного, но не вызывают ничего, кроме легкого раздражения. Они кажутся фоном, чьим-то проектом.

Будто однажды их выдумал бездарный писатель: настолько комична их идеальность и многогранность. Пугают люди, которые занимаются сразу всем и везде достигают успехов. Говорит ли это о том, что они талантливы и уникальны? А может, на них нам и стоит равняться?

Нет. Из-под кисти художника, страстно влюбленного в живопись, не выходит совершенства; им не ставится такая цель. Все усилия вкладываются в то, что оценивается в миллионы. Ощущения. Мы любим то, что видим человеческое в натюрмортах и пейзажах. Зритель вечно покорен тем, как картина запускает уже давно спящие чувства: без стеснения касается струн, которые он старательно прятал. Иначе маринисты заменялись бы метеорологами. Да и к чему было бы писать портрет, если есть толковые паспортисты? Безупречность? Объективность? Нет – человек. Если жаждешь идеала, лучше заниматься бухгалтерией, а не искусством.

Иначе влюбиться мне следовало бы в Госпожу Талви. Вот уж кто реально близок к идеалу. Тот, кто считает, что ничего безупречного нет, просто не был с ней знаком. Хотя, можно считать за недостаток то, что для нее нет ровно ничего, чего она себе запрещает. Ей «доступно» любое поведение, любой каприз. Именно этим и покоряет сердца. Странное явление: общество

мало что позволяет женщинам, а привлекают женщины именно тем, что все себе позволяют. Может, дело в том, что куда приятнее идти за королевой, чем вести за собой послушного раба. Я, конечно, говорю про мужчин, а не про всех особей мужского пола. Так что моя Госпожа – не идеал. Она – квинтэссенция привлекательности и страсти.

Научиться бы подобному хоть на половину. Но увы. С этим надо было родиться. Или подцепить проклятие. Тогда всю женскую роскошь получила бы в придачу.

Как же грешно так рассуждать! Слышали бы меня мои родители!

Или того хуже: слышала бы меня Госпожа!

Мысли о нем начало меня тревожить. Это не то, что я могла планировать. От этого я теряла ощущения контроля и комфорта, ведь куда привычнее мне было жить на мягкой подушке стабильности, в достойном качестве робота-гонца, не имеющего собственных желаний. Однако, привычка – сомнительная попытка заменить счастье.

Как я уже говорила, жажда жизни во мне стремительно нарастала. И началась она с любви, которая пока что только зарождалась в пламени любопытства и нездорового интереса.

Прохлада и туман побежали по моему телу. Я направлялась в лес. Камни не могли долго ждать, а то голубые разберут, и Талви будет недовольна. В лесу было сыро, но я была такой сонной, что ничего не замечала. Болела голова, и все чувства были слегка притуплены тяжелым ощущением внутри, будто я тащу мешок с камнями в собственном желудке. Меня снова тошнило, и даже ягоды меня не привлекали. Вдохновляла только возможность увидеть ветер в ее исполнении. Остальное меня уже не сильно воодушевляло, и почему-то было страшно от того, что сегодня она вновь может попросить отнести какое-нибудь послание, а я категорически не хочу пересекаться с проклятым: теперь, когда я думала о нем слишком долго, смотреть на него было бы неловко. От такого я буду чувствовать себя разоблаченной и беззащитной. Хотя, в этом во всем он виноват сам. Очевидно, что удивить меня весьма легко: мой круг общения очень скуден и не я не могу похвастаться знакомством с представителями всех каст. Конечно, для такой недотепы, как я, достаточно и короткого разговора, чтобы в мою память впечатался новый персонаж. Ну, а к проклятым у меня давно особый интерес.

Будет забавно, если я ошибаюсь на их счет, и в них нет ничего интересного, а дурманящие ощущения от их присутствия – не более чем выдумка, в которую я очень хочу верить. А я и правда хочу.

Камни летели в сумку: хорошо, что я вышла рано. Солнце потихоньку стало выходить из-за туч. Блеск камней очаровывал и, как всегда, поднимал настроение. И вновь я почувствовала сладкий дурманящий запах ванили. Красные камни казались острыми и опасными, к ним так и тянулась рука.

Я поддалась искушению. Но как только я коснулась одного из них, меня одернул уже знакомый голос.

– Так это ты воруешь их?

Он стол совсем рядом, за моей спиной. И, наверное, это его аромат стал выраженно отдавать черной смородиной.

– Камни? – испугавшись, пискнула я.

– Камни.

Я в недоумении посмотрела на него.

– А что, вам есть дело до камней?

Вопрос, должно быть, прозвучал неуместно и дерзко, отчего он приподнял левую бровь. Стало стыдно. И даже страшно. Не знаю, почему один только взгляд незнакомца уже заставлял меня переживать. Я сама не знала, чего во мне больше: ужаса или любопытства, и все же я не могла оторвать взгляд от его острых скул. Стоило только взглянуть, и на пальцах появлялся колючий холодок. Я вдруг подумала, что бы со мной случилось от одного лишь прикосновения, и не осознанно сделала шаг вперед.

Проклятый чуть посторонился.

– Есть, – ответил он, – на них дьявольская печать.

Я ничего не понимала. Все, что занимало мои мысли, – это будоражащая пряность его голоса. Не знаю, что со мной происходило, но я бы многое отдала, чтобы продлевать это ощущение снова и снова.

– Дьявольская печать? – внезапно очнувшись, переспросила я.

Он присел и взял в обе руки один из камней. Затем мягко подкинул и щелкнул пальцами. Камень растворился в воздухе.

– Ты хоть знаешь, откуда они берутся?

«Нет, и это самая притягательная для меня загадка», – подумала я.

Но в ответ только лишь покачала головой.

Мужчина ухмыльнулся и нагнулся ко мне. Мое дыхание участилось, и я сжала ладони в кулачки.

– Ну и не трогай. А то еще намешаешь чего-нибудь, – быстро произнес он.

И не успела я моргнуть, как он пропал.

Может, померещилось?

Может, надо просто больше спать?

Нет уж, не могла я так быстро сойти с ума. Да и запах смородины все еще витал в воздухе.

* * *

Райос

Если кто-то спросит, хороша ли моя жизнь, я отвечу вопросом на вопрос. А хорошо ли быть чьим-то кошмаром? Хорошо ли жить, когда слышишь что-то вроде «никогда бы не коснулся греха, лишь бы не быть таким, как он». Я – злая легенда. Сам уже запутался, что обо мне мифы, а что правда. Кто-то, возможно, мечтает, чтобы о нем говорили. Но вряд ли он подразумевает разговоры, когда при упоминании твоего имени рассказчик то и дело крестится. В общем-то, я не так ужасен, как говорят, однако нет дыма без огня.

Наверное, слухи пошли не просто так, да и проклятие не за ангельское поведение дается. Моему недугу скоро стукнет... сам уже не помню, и мне уже давно не кажется, что это сон или ошибка. Несправедливо? Напротив. Но я, честно говоря, давно уже не могу представить себя на другой стороне. Как и у всех, у меня есть то, что я страстно люблю, а приблизиться к своим пристрастиям я могу только здесь.

Хотя, далеко не все способны горячо желать. Те же чистые, от которых пахнет лавандой и горной свежестью. Которые чуть ли не ходят с табличкой «Идеальны». Разве они не отличаются святостью лишь от того, что Всевышний лишил их внутренней страсти? Разве не она – причина всех грехов? Если бы я мог хоть раз дать на пробу чистым свои поганые чувства, «святых» в мире стало бы гораздо меньше.

Причина всех страданий – желания. И причина всех грехов тоже. Это придумал не я. А можно ли считать живыми тех, кто ничего не желает? Иногда мне кажется, что они вечно счастливы, вечно спокойны, всегда уверены, а значит, достигли той эйфории, к которой все стремятся. Или они просто не просыпались от какого-то искусственного сна, в котором они пребывают с рождения.

Интересно, плакали ли они в детстве? Я не помню, хоть и сам когда-то был одним из них.

Эту часть своей жизни я вообще редко вспоминаю: да и с чего бы? Это же только двадцать лет. Или двадцать один? Уже не помню. В проклятии, конечно, много загадочного. Однако, я бы отказался от того, что не могу быть незаметным, скрыть свое присутствие: кто-то да заметит легкий холодок и пьянящий запах. Так до конца и не понял, зачем он дается каждому, кто прикоснется к греху: все сводится к тому, что с ним куда проще привлекать магов и людей.

Но, сколько бы люди ни говорили о невозможности пробудить желания в чистом, я всегда буду вспоминать мое любимое исключение.

Не хватит и пяти книг, чтобы описать Софию. От нее пахнет горячим телом, кровью и цветением апельсинового дерева. От нее пахнет вишневой свежестью и шоколадом сразу. Пахнет сиренью и жарким маем. Пахнет похотью и безумием. Ее кожа будто пропитана медом: она сияет и погружает сознание в туман. К этой женщине не просто хочется прикоснуться: она как сумасшедший демон заставляет бороться с желанием дотронуться губами, которые от одного ее взгляда начинали гореть как от страшного ожога. Только посмотришь, и тебя бросает в жар. Ее походка говорит больше, чем все женщины мира расскажут за час. Кажется, что она не шагает по земле, а буквально подчиняет себе все, на что ей стоит опереться. Я ненавидел ее за то, что сам не свой, и ничего не могу поделать: смотришь на ее стройные ноги, и тебя трясет как незрелого подростка. Ей необязательно наряжаться: она носит обыкновенные брюки так, будто всем нам повезло видеть ее образ. Все на ней становится в миллионы раз дороже. Тонкая талия всегда затянута дерзким кожаным поясом. Я схожу с ума от ее перчаток. Здоровуюсь с ней за руку и борюсь с желанием сорвать их и обнажить прекрасные кисти. На левой руке перстень с рубином. Но нет драгоценности, которая не выглядела бы на этих пальцах так, будто она делает им одолжение своим выбором. Как много у нее талантов. Не говоря даже о таланте завораживать одним только голосом. Ее красные губы молят о прикосновении. Она говорит и погружает в туман. И я зол. Так зол на то, что не могу собраться. Как многое мне хотелось бы сказать о ее шее.

С ней трудно быть холодным, таким, каким я хочу. И потому я терпеть ее не могу. Все мое тело гудит от напряжения, стоит только ей появиться на пороге.

Я много чем занимался. Врачевание – не самое любимое мое увлечение, однако, если постараться, в нем можно найти лекарство для искаленной проклятой души. Мне кажется, я стал забывать, какой я на самом деле: когда вдруг мерещится, что потерял любое сочувствие и эмпатию; что, как бы ни хотелось улыбнуться исцеленному, я боюсь напугать его своей неискренностью. Само то, что у меня есть такие опасения, с одной стороны, говорит о наличии сердца. Но вот вечная борьба с раздражением – печать проклятия, которая загнала меня в «землю». Надежда появляется от того, что все еще существуют люди, которые не боятся ко мне обратиться. А некоторые особенно смелые могут прийти и без крайнего случая.

Вам когда-нибудь было интересно, что говорят о вас? Прискорбно, если это так: это не более чем проклятое болезненное убеждение, что на чужом видении и самооценка крепче.

Это не так.

Обо мне говорили разное. Но самое приятное всегда касалось исцеления. После этого некоторым удавалось разглядеть во мне человека.

Помню, как услышал нечто вроде: «Как посмотрел на меня это Райос, так все и прошло. Стало быть, хороший человек, добрый».

«Хороший человек». Трудно придумать словосочетание, которое подходило бы мне еще меньше. Здесь оба слова не про меня. Да и живым меня можно назвать с натяжкой. Иногда я думаю, что суть жизни в том, чтобы бояться умереть. Я же ничего не боюсь. Терять мне нечего лишь потому, что я не имею никаких чувств к жизни. Я завидую даже тем, кто по крайне глупым и вялым причинам отчаянно ищет смерти. Я хочу лишь свободы и самого ощущения сильных желаний. И уж тогда я бы определил, что есть свобода: жить или умереть. Впрочем, учитывая, как долго я брожу по земле, освобождением для меня будет билет на тот свет.

Я часто представляю, как душа покидает мое тело. Как я последние мгновения цепляюсь больным сознанием за золотые лучи солнечного света, когда наконец я, перелистывая страницы моей жизни, быть, может, наконец пойму, какие из них счастливые. Я бы стал свободным.

Прошел бы через ад, где чувствовал бы настоящую боль, а не пародию, где ко мне вернулась бы чистая душа, способная страдать и рваться на куски: я бы стал хрупким как стекло

и боялся бы разбиться. Я начал бы жить после смерти. Что готовит мне жизнь? За что карма даст мне подарок в виде свободы? Ответы люди ищут в пророчествах и священных книгах, и я не исключение.

Каждый год я прихожу в собор, чтобы вновь узнать, что думают Боги о моем предначертании. Вот удивительно: чем сильнее проклятие, тем крепче вера.

Я был чистым несколько лет. После того, что я сделал, ими не остаются. Но каждый раз, когда я возвращаюсь мыслями в тот день, я понимаю, что сделал бы так же сотни раз. Я не жалею ни об одной детали. Да и, наверное, никогда я не желал так сильно, как в тот день.

В период магической жизни я стал зельеваром. Нет нужды распинаться в долгом рассказе: я был лучшим. Впрочем, это было написано в моей *Судьбе*. Мои руки сами тянулись к ингредиентам, а нос подсказывал дозировки и технологии.

Я входил в поле за тем, чтобы собрать травы и делал это с закрытыми глазами: обоняние любого художника отражало пейзаж передо мной. Я слышал и чувствовал все: как пошатнулись ржаные колоски, и как затряслись лепестки ромашки, как перешептываются березовые листья за моей спиной и дышит маленькая полевка. Я дышал часто, словно вот-вот выпрыгнет сердце, и никогда не мог остановить своего азарта бродить с закрытыми глазами.

Как много «Я» в моем рассказе. Но, кроме как простить мне синдром главного героя, ни у кого выбора нет. За то я и был проклят.

* * *

Райос

В том году все случилось так, как мне говорил маг.

Я шагал в храм, а все отстранялись от меня как от проклятого: никому не хочется попасть под горячую руку проклятого, который, не дайте Боги, узнает о своем предначертании то, что не вписывается в его грязное сознание. Двери были открыты, и я снова поклонился перед ними, посмотрев на свои черные ботинки. Когда я поднял голову, солнце ослепило меня, и я подумал, что, может быть, сегодня узнаю свой путь к свободе.

У Двери к Гилосу уже была немалая очередь. Отчего-то, когда ждешь своего предсказания, всегда вспоминаешь все, что тебя привело к этой двери. В ту ночь я никак не мог заснуть: все думал, как сладко было бы снова ощутить себя любимым. Да. Кто бы что ни говорил, каким бы великодушным ни был, полюбить проклятого ни у кого не хватит души. Даже сами проклятые друг у друга редко задерживаются: мрак души поглощает и отравляет даже таких же поганных чудовищ как мы. Я стоял и думал, сколько мне еще осталось быть монстром.

И это был мой день.

Я вошел внутрь, и поприветствовал мага низким поклоном.

– Райос?

Я решил не отвечать на очевидный вопрос и сел напротив.

Белая борода старика подрагивала при каждом слове молитвы. Его морщинистые ладони упирались в стол, и я мог разглядеть космическое количество ярких браслетов. Да уж, такими камнями здесь, пожалуй, не могла бы похвастаться ни одна барышня, зато вот у старца они были в избытке.

Вдруг его глаза внезапно округлились, а губы нервно затряслись. Я бы мог сказать, что чуть не умер от волнения, но, увы и ах, это невозможно.

– Райос. – прошептал он.

– Да?

Я не узнал своего голоса: вместо него был слышен хриплый и неприятный звук.

– Если ты проживешь верно следующие три года, то станешь свободным.

Что-то тяжелое опустилось в мой желудок. Я поглядел в глаза мудреца: они выглядели до того напуганными, что от одного взгляда мне становилось не по себе.

Так мало времени, оказывается, нужно прожить верно, чтобы тебе простили проклятие. Боги даровали мне шанс исправить свои мысли, свою душу, потрудившись всего каких-то три года. Хотя, я бы не горячился так говорить. Все-таки время – особая магия, несущая целый спектр ощущений и восприятий. Так меня учили еще очень давно. А значит, эти три года могут показаться мне длиннее моей вечности. Лишь бы это были не пытки: тысяча с лишним дней физической боли – это слишком даже для меня; я хочу умереть свободным, а не сумасшедшим.

Однако, разве существует человек более свободный, чем откровенный псих? Иногда мне кажется, что людей слишком часто останавливает боязнь показаться безумными. То ли дело те, чье безумие неоспоримо. Есть кому позавидовать. Я бы так и жил в зависти, если бы сам слегка не поддался собственным демонам.

– Три года? – переспросил я.

– Три.

Три. Но праведно. Знать бы еще, что это вообще значит. Я был чистым настолько давно, что у меня не то что стерлись основные принципы: я приобрел совершенно иные убеждения, чувства, пристрастия, которые будут только мешать праведности и честности. В моей жизни были разные периоды: бывали и времена, когда я купался в собственных грехах. Я утопал в запахах чужих тел, в своих страхах, алкоголе и крови. Самое удивительное: тогда я даже проклятым не был: Боги сочли это за самую, что ни на есть, человеческую ошибку. В мире магов допускаются многие слабости; ну, а зельевары всегда были в особом почете. Собственно, у меня и чувства вины не было. Зато меня уничтожал синдром Бога и завышенная самооценка. Болезненно это все. Я даже не знаю, с чего начать.

Сейчас я часто слышу, что человеческий эгоизм – самое здоровое, что может случиться со взрослой психикой. Но я не знаю счастливых людей, которые думают лишь о себе, а других людей воспринимают инструментами для воплощения своих мечтаний. Можно и не заметить, как одиночество тебя победило. Я говорю, конечно, не о том, что от подобных волшебников быстро отворачиваются друзья.

Внутри каждого из нас звучат несколько голосов: среди них всегда есть те, что принадлежат родным и любимым людям. Причем, те, кого мы любим, быть может, ни разу к нам и не обращались, но отчего-то их голос отпечатался в душе, так что ни один день не проживается без привычных фирменных фраз.

Мы устроены удивительно похоже: все умеющие любить, какими бы разными ни были, любят так, что неразрывно связывают свое сознание с чужой душой. Стадо быть, с синдромом Бога твоей душе одиноко говорить одним голосом, даже если вокруг множество доброжелателей.

– А что нужно делать? – спросил я.

– Помочь одному человеку стать тем, к чему тянется ее душа.

– Ее?

– Верно, Райос, – ответил Гилос, – это девушка.

– Она человек?

– А вот этого, – он яростно захлопнул перед собой книгу, – этого сказать не могу. Нужно сам найти и выяснить.

Я вздохнул и закатил глаза:

– Кругом сотни людей, которые ждут моей помощи. Как понять, когда нужно полностью менять человеческую жизнь, а когда просто дать лекарство от бреда?

– Боги подскажут.

Что ж, вряд ли он обманывал меня, ведь Боги действительно всегда оставляют подсказки. Не будь их в моей жизни, я бы, может, никогда бы не занялся зельями: откуда взяться уверенности в своей одаренности, если не с божественной подсказкой?

В моей жизни было много солнца, жаловаться грех, так что вряд ли Боги меня настолько не любят, что не подарят возможность исцелять себя три года.

* * *

Райос

Когда я пришел домой, на меня напала странная лихорадка. Жар был таким сильным, что я не понимал, чья магия меня одолела. Руки предательски дрожали, а по щекам бежал пот.

Сильно же меня взволновала новость о предстоящих переменах. Вернее, о предстоящем конце моей земной жизни и возвращении домой, к солнцу, туда, откуда все мы родом.

Конечно, следует понимать, что «три года» сказано довольно условно, ведь ни одно предсказание не бывает ювелирно точным. Стало быть, я могу продлить этот срок своими ошибками и сделать «Тремя годами с хвостиком», или сократить своим успехом до «Почти три года».

В любом случае следует запомнить: около трех лет.

Девчонку я увидел спустя неделю в осеннем дворце. Я бы никогда раньше в это не поверил, но Боги дали мне подсказку очень быстро: в моей голове мелькали все знакомые лица, которые можно встретить в обители осени. Но ее я раньше определенно не встречал. Она человек, и от нее пахнет корицей. По людским меркам весьма привлекательна: льняные кудри до плеч, зеленые глаза. Кстати, о них. По правде сказать, я никогда не видел таких волшебных глаз. Даже у Софии, при том, что ей в привлекательности нет равных, цвет не столь необычен и ярок. Зеленый изумруд, плавно переходящий в золото, пленил мою душу, и несколько дней не выходил из моей памяти.

Да, мне можно позавидовать. Видимо, при том, что я, можно сказать, и живу-то не настоящему, страсть и способность восхищаться все же сохранились во мне. Но, конечно, все не так, как когда я был чистым: тогда в моей душе вспыхнуло такое нечто, что я забыл, кем был создан. Первая и последняя моя страсть в чистом теле никогда не покинет мое сознание.

* * *

Райос. История

Я, конечно же, не помню, как появился. Но с общиной мне повезло. Я жил там, где все дома были персикового цвета, отчего, когда я бродил по улицам, я всегда чувствовал себя как в доброй сказке. Единственным ощущением, тогда свойственным мне, было спокойствие, умиротворение и вечный, незыблемый, как бы обледененный восторг, когда не отличишь: искреннее ли это чувство, или встроенный самогипноз.

Помню, как я шел по холмистым улицам, а солнце теплыми лучами щекотало мои босые ноги. Я глотал холодный утренний воздух и с каждым вздохом все душевнее молился о людях и магах. Как же я долго не понимал, отчего нельзя молиться за проклятых. Признаться, я и сейчас никак не пойму. Однако закон таков: нельзя, и все.

По этим законам они не заслуживают ни прощения, ни смирения, ни спокойствия. По законам они не больше, чем мозолящие глаза паразиты, от которых никак не избавишься. Да и я сам неосознанно смотрел на них свысока: некоторые вещи впитываются из окружения так незаметно, что ты перестаешь анализировать, своими повадками пользуешься или взял поносить чужие. Я глядел на них, как на глупцов, которые не осознают своего ничтожества. А они

осознавали. Теперь, когда я в этой шкуре, я отчетливо ощущаю, как глухо бьется мое сердце, как многого я лишился.

Но самое постыдное, в чем я никому, даже себе, не признавался, будучи чистым, они всегда меня привлекали. От нас их отличало отсутствие любого страха за себя, за свои ошибки, за других. И, возможно, в чем-то это было для меня удивительно прекрасным. Иногда я представлял, каково это – не бояться за весь мир, каково не благодарить вслух Богов за каждый вздох, вне зависимости от того, был ли он приятным или болезненным. Я представлял, как они смотрят на солнце как картину, радующую глаз, а не на устрашающее божество, перед которым нужно извиниться. Вечно просить прощение, участь чистых. Просить и ничего не чувствовать. Ощущение вины мне было не свойственно, ведь оно происходит от человеческой любви. Мы же любили всех и все, а значит, никого, как я понял теперь. Почему только, когда я вспоминаю об этом, в моем желудке словно гудит что-то? Неужто каменное сердце скучает по тем временам? Объяснение впереди.

Моя голова всегда была легкой: переживания за мир во всем мире много не весят. Да и, как выяснилось, ничего не стоят. Тело всегда было здоровым, глаза никогда не плакали. Не человек, не Бог, не проклятый. Моя душа была вечно младенческая, не знающая искренней любви.

Я поднимался на холм. Высокая сухая трава слегка царапала мои колени. Стоял запах вишни и речной тины. Мое дыхание сбивалось от единственного восторга, на который я был способен: восторг перед творением богов. Я оглядел знакомые мне с детства просторы. Березовые листья перешептывались, а я все пытался слушать, не обо мне ли. Я задыхался и плакал, сам не зная от чего. Солнце садилось, и вот река в последний раз переливчато блеснула: не для меня ли? На закате маленькие персиковые домики казались ярко-розовыми. И с каждым дыханием я все больше, все лучше маленькими шажками учился любить жизнь.

Казалось, я очень медленно пробуждался ото сна, но никак не мог пробудиться. Я не знал, как протянуть руку счастью, которое было так близко. Могут ли быть счастливыми те, кто не прошли путь чистилища к этому самому счастью? Ответ однозначный – нет.

Жизнь дрессирует нас так, что все благо, достается с немалым усилием, от того и вкус радости яркий и сладкий. Вот потому и достигаторство – тяжелый наркотик, на котором все люди и живут. Чистым он недоступен, а значит, непонятно, счастливы они или нет. Может ли быть «хорошо, да и все»? Просто хорошо? А разве совместимо «просто» и «хорошо»? Не поймешь, что значит быть сытым, пока не прочувствуешь голод. Да не просто прочувствуешь, а проживешь каждым органом все волны этого голода, все нападки жажды... Тем слаще будет кусок хлеба. Вот мой кусок хлеба был слишком сладок, я получил такую дозу, от которой так и не оправился. Ну, позже об этом, позже.

Спал я или бредил? Но я решил не идти домой. Солнце заснуло, и меня клонило в сон. Я боролся с этим на берегу реки. Серебряная глядь воды отражала полет птичьего косяка. Я смотрел, как с выступов склонились маки, словно желая напиться воды. В сердце воцарился покой. Я был один, но чувствовал вокруг себя сотни ду хов и множество живого, теплого и светлого. Я ощущал, как закрываются бутоны цветов и как там, на ветвях, оседает пыльца. Закрывал глаза и представлял, как под водой играют в салки мальки, и каждый камушек отражает малейший речной отблеск. Я спал или нет? А разве это имеет значение? Если мой сон так прекрасен, то пусть мне завидуют.

Взошла луна и разлила на землю молочный свет. Не просто так говорят, что, купаясь в отражении его, можно стать счастливым: весть ночной небосвод при одном только взгляде на него погружал в сумасшедшую эйфорию. Я наслаждался своей родиной до дрожи, до бешеного сердцебиения. Я бы купался в этом вечно.

Приземлившись на песок, я стал размышлять, сколько времени должно пройти, чтобы эта красота перестала восхищать, приелась, надоела. Да, все же зависимый от родной красоты никогда не будет подле нее трезвым.

Тут я услышал шорох в близлежащих кустах. Не сказать, чтобы я до дрожи испугался, однако мало приятного в том, чтобы встретить незнакомца посреди ночи. Но кто, если не я, как мне тогда показалось, должен выяснить о нем. Чистые просто так в кустах не прячутся.

– Эй, – шепнул я.

Куст перестал дергаться. Я спросил:

– Кто ты?

Она вышла ко мне. Юная волшебница, от которой пахло шоколадом, вишней и огнем, молодая девушка, которую я буду вспоминать на смертном одре. Она вышла, а ее красные волосы источали неведомый свет. Магия устрашает, когда застает врасплох: никто не может представить большей красоты, чем волшебство, которое попало в руки к красивой женщине: уж она-то явно знает, что с ним делать. Глаза отвести было невозможно: я как дурак пялился на ее губы. Они были словно нарисованными, у людей таких не бывает. Ярко-красные и глянцевые, будто над ними колдовали всю ночь. Глаза светло-чайного цвета лукаво глядели на меня, и горячая дрожь бежала по моим плечам. Рыжие, почти красные волосы, завивающиеся в крупные кольца, густыми прядями легли на пышную грудь. Девушка была в костюме цвета хаки с жилеткой и плотно прилегающими брюками, который подчеркивал силуэт ее тела. Белая кожа на шее блестела не меньше, чем в районе ключиц. Ее пальцы водили по рукояти кинжала на ремне: изящное оружие было украшено рубином. Никогда не видел подобного. Она выглядела угрожающе и утонченно. От нее веяло и храбростью, и нежностью. Но были и такие запахи, которым я в то время еще не мог дать название: до этого я не знал, как пахнет страсть, желание и дерзость, а это все бродило с ней по пятам, куда бы она ни направилась. Я не уставал удивляться, как ей удавалось делать из меня человека, хоть я и сопротивлялся. Кажется, с той минуты, как я ее впервые увидел, какой-то ультразвук ворвался в мое тело, и я разучился думать о чем-то другом. В голове была лишь она: когда я переживал, то думал, что она бы сказала, когда смотрел на что-то прекрасное, я вспоминал, как она восторженно вздыхает, как она на меня посмотрела впервые: так хитро и красиво, что ее взгляд показался острым. Наверное, она тогда уже все знала: что будет со мной и как быстро я окажусь в ее сетях. Конечно, знала: в ее жизни все было ювелирно просчитано. Я, возможно, даже единственным не был. Но в тот момент, даже если бы я был уверен, что все закончится вот так, я бы все равно не стал этому противиться. Невозможно повернуть судьбу так, как тебе нужно: судьба изменчива, однако лишь она знает, чего ты хочешь. Во всяком случае, иногда, получив некогда желаемое, мы убеждаемся, что душе было необходимо совсем другое. Что ж, в таком случае получается, что я тайно желал стать проклятым. К тому же, строго говоря, в моем проклятии виноват только я сам: София сделала меня всего на один ранг ниже. Касалось ли мое «понижение» ее планов или это получилось «заодно»? Мне до сих пор неизвестно.

Она ответила:

– София.

– Ты маг? – робко спросил я.

Она снова улыбнулась так, что я почувствовал слабость в коленях.

– Я волшебница, – ее голос звучал уверенно и бархатно. Он отличался от наигранно-высоких женских тембров, которые мне приходилось слышать. Чем ближе мы с ней знакомились, чем чаще я слышал не то, что она говорит: таким голосом я желал услышать то, от чего пошел бы на десятки проклятий, – но про тебя спрашивать не стану.

– П-почему?

Она засмеялась:

– Потому что я и так все о тебе знаю, Райос. Все-все. – Расскажи же.

– Маленький чистенький мальчик. – она погладила мои волосы. – Я так и знала, что чистые страдают эгоцентризмом, ведь кто еще захочет слушать о самом себе? Хм, а ведь ты отличаешься от них. Точно, отличаешься. В тебе столько желаний.

Признаюсь, раньше я считал, что отличаюсь только тем, что мои волосы темнее, чем у большинства чистых.

Она обошла меня и прислонила свою ладонь в моей спине.

– Сердце горячее и способное любить. Ну и какой же ты теперь чистый?

Я слушал ее и не мог пошевелиться. Не мог понять, взрослой она была или маленькой, стоило ее бояться или восхищаться?

Прервав мои размышления, она отошла от меня на несколько шагов, а потом резко повернулась и бросила кинжал в мою сторону. Он рассек воздух в паре сантиметрах от моего виска и вонзился в рядом стоящее дерево. Мое сердце пропустило несколько ударов, прежде чем я наконец громко выдохнул и сжал дрожащие руки в кулаки.

– Ха-ха-ха, – позлорадствовала София, – ты пугливый! Хотя я бы никогда не целилась в тебя. А я всегда попадаю куда хочу. В метании мне равных нет.

– Ты тренировалась?

Она обиженно покачала головой:

– Я с этим родилась.

Меня унесло в омут, из которого не было выхода. Нет шансов быть чистым, если думаешь о юной волшебнице больше, чем это позволительно. А позволительно ровно нисколько. Я даже удивляюсь тому, как долго мне удавалось носить белые одеяния, бродя ночами с красоткой. Ближе друга у меня не было. Может, поэтому Боги и смиловались надо мной.

Мы становились все ближе и ближе. Она показывала мне такие вещи, что я не верил своим глазам. Помню, мы лежали на холме и наблюдали, как красиво небо окрашивается в персиковый цвет заката.

– Ты погляди, какое все красное! – восторженно произнесла она.

Красного на небе не было.

– Все розовое, – возразил я.

Она перевернулась, и теперь ее янтарные глаза как два огонька прожигали мое лицо: на этот раз в них была капля гнева, которая, зная удивительную Софию, могла устроить пожар, который непременно сжег бы все поле.

– Нет! Красное. Хочешь, покажу?

Я нетерпеливо кивнул.

Она крепко схватила меня за руку, и я понял, насколько холодны мои руки. Или ее ладонь была слишком горячей?! Второй рукой она указала на небо в конкретную точку.

– Смотри сюда!

А затем она сделала легкое движение: выглядело так, как будто она смахнула воду с кончиков своих пальцев. И облака в том месте вдруг стали алыми. Все небо выглядело страшно и прекрасно, оно было действительно пугающим, но в то же время великолепным. Как и она.

– Как?! – только и смог сказать я.

– Не терплю розовый.

А моя рука так и осталась крепко сжатой. Может быть, тогда судьба все и решила. Но даже эта ситуация не насторожила Богов.

Не насторожила их и ее бешеная радость от жизни. Да-да, именно бешеная! Она радовалась почти всему, что видит. Ее жизнерадостность не раздражала меня, но приводила в шок. Как ни смотрел на нее, мне казалось, что ее глаза радуются: как бы она ни хмурилась, они переливались как драгоценность, игриво меняя цвет. Они были то теплыми, янтарными, будто ты пришел к кому-то в гости, туда, где запах выпечки звучит громче приглушенных мелодий пластинок, ярче солнца и желтых осенних листьев; то темными, как глоток черного кофе, когда

серебряный мороз сковывает пальцы. Я был пьян от ее глаз, от ее запаха, но больше всего – от того, что она умела быть счастливой. Когда я наблюдал, как она замороженно перебирает листья каштана и окрашивает их в разные цвета, попутно смеясь и радуясь всему, что у нее получается, я чувствовал себя таким дураком: может, я сам лишаю себя возможности научиться жить боязнью показаться ребенком? В каком возрасте наивно радоваться становится неприличным? У меня благо возраста и нет, но на людей посмотришь.

Еще она умела здорово злиться. И пусть я был в восторге от ее жизнелюбия, именно ее злость заставляла в нее влюбляться. Много я бы отдал, чтобы посмотреть еще раз, как она закатывает глаза и разводит руки в стороны, а затем берет камни из воздуха и кидает куда вздумается. Волшебство ее гнева было красным: возле рук мелькали багровые искры, а глаза и вовсе окрашивались в алый. Кажется, ярость активировала ее магию так, что она в считанные секунды достигала своего максимума. Я видел многих волшебниц, но она была определенно самой виртуозной. Вздорная дуэлянтка, сумасшедшая чародейка. Безупречно она владела и заклинаниями приворота, однако для себя самой никогда их не использовала: впрочем, для нее это было совсем не актуально, ведь мало кто оставался к ней равнодушным; она всегда добивалась своим появлением того эффекта, которого желала.

* * *

Райос

Нашего первого поцелуя никогда бы не случилось, если бы не ее характер. Наверное, я бы сто лет ждал. Эти сто лет даже не приходилось бы ни у кого занимать. Что ж, очередной плюс быть бессмертным – не нужно бояться, что упустишь время, когда пора поцеловать девушку: понятие и ощущение быстротечности среди нас совсем иное, нежели у людей.

Стояло раннее утро. Я обещал ей, что приду до начала молитв. Это было против всех правил, я не должен был выходить из дома. Хотя я и не выходил: выпрыгнул из окна. Трава была мокрой и мягкой, и я понял, что никогда еще не наблюдал утреннего обаяния этих мест. Как мне повезло, что у меня была эта девушка. Как многое она мне открыла. Мое сердце стучало взволнованно и музыкально, внутренний голос говорил ее привычными фразами. Каждый мой шаг становился легче предыдущего, и я уже перестал думать обо всем, что ждет меня после прогулки. Да и, честно говоря, мне было искренне на это наплевать: сколько я ни представлял, как меня наказывают, я ни разу не почувствовал стыда и сожаления. Тысячи раз я бы поступал так же: уходил бы наконец чувствовать, переживать, слушать стук собственного сердца, ощущать запахи и задышаться от любви.

Мы с ней любили друг друга. Оглядываясь назад, я все крепче убеждаюсь, что детской увлеченности в этом не было. Откуда же у меня такая обида? Ведь я никогда не сомневался во взаимности. Обида только оттого, что она убеждала себя в обратном, надеялась не найти в себе самой ни грамма этого опьяняющего чувства? Я должен ее простить. Беда в том, что она была во всем сильнее и ярче. Строго говоря, я был ее не достоин. А женщина, наверное, ждет того, кто бы превосходил ее. Что ж, в ее случае любовь обошлась с ней жестоко: я точно знаю, что она меня любила.

Ну, а я нарушал закон с мыслями о ней, с робким шепотом ее имени, со смелыми и далекими от реальности фантазиями. Признаться, иногда меня охватывал страх, но стоило вспомнить ее голос, как по всему телу бежал приятный огонек.

Мы встретились на поляне. На ней было коричневое свободное платье и целый десяток цепочек на шее.

– Я кое-что тебе покажу, – сказала она и взяла меня за руку.

Она всю дорогу не говорила ни слова: я слушал только ее радостное дыхание и смотрел на ее улыбку, вдыхая запах шоколада. Солнце играло с переливами ее рыжих волос. В воздухе кто-то распылил слишком большую дозу счастья: мне было тяжело дышать.

Мы пришли. Шум воды оглушал меня: я никогда не был так близко к водопаду. Я огляделся по сторонам: никого не было. Мы будто оказались в ожившей картине.

– Идем же, – крикнула София.

Она сняла ботинки и стала заходить в воду. Ее платье поднималось водой. И вот она уже плыла в сторону водопада. Я, не думая ни секунды, поплыл за ней. Чем ближе мы были к водопаду, тем сильнее закладывало уши. Я увидел, как она нырнула перед жестким потоком воды, и повторил за ней. Пусть я и отставал, но вышли мы почти одновременно. В пещере за водопадом было потемнее, но все так же тепло и хорошо. Шум воды был глуховат: то ли магия, то ли оглушение после плавания. Она тряхнула волосами и стала выжимать платье. Я старался не смотреть, но краем глаза невольно следил за тем, как мокрая ткань подчеркнула ее изгибы. По ее щекам стекали серебристые капли; скатываясь по ее телу они приземлялись на песок. София села рядом со мной.

Я, наконец, заговорил:

– Здесь прекрасно.

– Да, – выдохнула она, – я тоже в восторге.

– Как будто волшебное место. Я даже не знал о нем.

– Ты только не говори никому, ладно? И никого не приводи.

Я понимающе закивал:

– Если приду, то только с тобой.

Она улыбнулась. И мы снова стали смотреть на водопад. И просидели бы так еще долго, но я все время боролся с тем, чтобы встать, пробежать несколько миль, свернуть горы. Откуда-то из меня лилась энергия, не позволяющая сидеть на месте, будто все тело вот-вот начнет ломить от безделья.

Никогда я не чувствовал подобного во время своей работы; бессмысленной, наверное, по сравнению с умением жить. Не помню, чтобы мне не терпелось предложить свою помощь бедняку или исцелять молитвами больную душу. Наверное, сложно захотеть оказывать помощь, когда сам не знаешь, для чего создана твоя душа: помогать может и слепой прибор, а чувствовать – только тот, кто сам испытал тревоги, гнев, любовь, а главное – наполнен жизнелюбием. Ведь, если подумать, человек, убежденный в том, что жить и вовсе незачем, вряд ли станет убеждать в великом смысле жизни того, кто мечтает о смерти. И, может быть, сейчас, сгорая от желания подняться и потрогать, прочувствовать все вокруг, я гораздо полезнее привычного чистого. И тут я вскочил и подошел к водопаду.

– Ты чего?

– Хочу прикоснуться, – ответил я и протянул руку.

Вода стыла брызгать во все стороны, щедро поливая мое лицо и волосы. София подошла ко мне и прислонила свою ладонь к моей. Наши пальцы переплелись, и я опустил руку.

И вот она была передо мной. Ее лицо было мокрым и блестящим. Глаза светились, спутанные волосы пахли свежей выпечкой. Она была так близко, что я мог пересчитать ее веснушки. София разглядывала меня в ответ. Я чувствовал, как ее взгляд бежит по моим волосам, как она анализирует цвет моих глаз, как смотрит на мокрую рубашку. Мне становилось все тревожнее, и я не мог остановить хаос в голове, пока туда лезли мысли о том, как она выглядит без мокрого платья; а секрета в этом не было: ткань словно стала жидким медом, стекающим по ее гладкому и стройному телу, мне даже на секунду показалось, что я прикосновениями пальцев могу ощутить ее мурашки.

София взяла мою руку, положила себе на талию, сделала еще один шаг ко мне. К лицу подступила кровь, я не мог бороться с незнакомой дрожью. И ее губы. В голову ударил запах шоколада.

И я целовал ее снова и снова. Сердце горело пожаром. У ее губ был вкус вишни и крепкого чая. Я бы плакал, но не здесь, не сейчас. Как глупо, как стыдно! Разве так чувствует себя мужчина? Однако, я и не мужчина вовсе. Но чистый ли я теперь?

После этого я уже плохо различал грань между снами и явью. Мне казалось, что все происходящее со мной, кроме Софии, – временное, проходящее и не важное. Все для меня было тем, что можно легко исключить из жизни, и ничего не изменится. Тот день стал точкой отсчета для меня: я стал другим, и все во мне теперь дрожало от мысли о ней, и я бы молился даже на ее тень. Она стала для меня реальнее, божественнее и осязаемее любого Бога. В этом ли мое кощунство? А может, в этом моя благодарность Всевышнему, восхищение создателями, сотворившим Ее совершенство и послали мне любовь, которая жжет, губит меня. Но целиком ли это моя вина? Или же я подчиняюсь судьбе, под командованием которой страсть ворвалась в мою чистейшую душу и заставляет улыбаться самому существованию волшебницы.

Или же София – искушение, грех, который испытывает меня? И пусть! Губи, терзай, забирай ее всю! Души и не оставляй и надежды на чистоту! Я не мог жить теперь, жадно вкусив напиток нежности: остальное теперь пусто, пресно, отвратительно и бессмысленно. Мое сердце уже сделало выбор. Да и выбирать было не из чего: или погибнуть, или очерниться посланной мне страстью.

И я молился. Я каждый день думал, хорошо ли ей. Каждую секунду переживал о том, что она думает. Когда она гладила мои волосы, я смотрел в ее глаза и был счастлив, что способствую ее счастью. Она стала моим смыслом.

Она отвела меня в свою долину однажды. Эта девушка с тяжелой судьбой, которую бросили родители, она всю жизнь провела в женском интернате. Среди ее соседок вряд ли нашлась бы та, с кем ей можно пообщаться: к Софии у всех было лишь чувство раздражения или зависти. Мне сложно осуждать их. Каждая мечтала обладать хотя бы сотой долей ее магии, многие даже сочиняли легенды том, что в ней течет эльфийская кровь: что только не придумается для того, чтобы усмирить свою злость. Куда проще думать, что тебе не дано, чем расширять собственное волшебство. Магия Софии шла от ее горячего сердца и быстрого ума. И если первое обрести невозможно, то второе поддается корректировке. Но прежде я не видел подобную силу духа. Она не отчаивалась из-за глубоких ран. На тренировках София себя не щадила.

Если бы была возможность, я бы стал слагателем и писал о том, как она занимается.

– Моя цель – чтобы дерево зацвело, – сказала как-то она, указав на старый дуб.

– Дуб? – возмутился я. – Ты же знаешь, что.

Она с улыбкой прислонила руку к моим губам.

– Все будет, – произнесла она, – если захотеть, все будет.

София отошла метров на пять и закрыла глаза.

На кончиках ее пальцев образовались золотистые шарики. Она раскручивала руки, рисуя в воздухе круги света, была сосредоточена и серьезна. Это еще одна причина, почему мне нравилась за ней наблюдать: она хмурилась и морщила нос; любое проявление мимики казалось мне интересным. Затем она соединила две руки и опустилась на колени.

Когда София открыла глаза, я увидел, что ее зрачки стали красными, и она начала шептать заклинания. Опустив руки, она сильно разозлилась: дерево озарилось ярко-желтым светом, но нем не было ни одного цветка.

– Вот проклятье!

Она вновь отошла подальше и стала обходить дерево. Вокруг него возник сияющий фиолетовый купол, поднялся ветер, и листья шумно задрожали. Почему-то у меня жгло в желудке: то ли от восхищения, то ли от нетерпения. Интересно было представлять, что при этом ощу-

щает она: в ее взгляде читались сильнейший азарт и жажда магии. Ветер становился таким сильным, что стоять было все тяжелее. Я сел на похолодевшую землю, но София непоколебимо продолжала колдовать.

Послышался нежный звон, как от колокольчиков, и купол лопнул, рассыпавшись на мелкие пузырьки.

От злости она зарычала как зверь и побежала в лес. Я окликал ее, пока не заметил, как она мчится на несчастное дерево. Ничего лучше не придумалось, кроме как уйти с дороги: вряд ли она помиловала меня, останови я ее в разгар чародейства, даже по великой дружбе.

В яростном прыжке она ударила дерево обеими ногами. И чудо свершилось.

Музыка, вдруг зазвучавшая, была нежной и тихой: в ней слышались и тот же знакомый звон колокольчиков, и пение птиц. Ствол наливался золотым светом от корней до кроны, и на ветвях. О, да! На ветвях распускались цветы. Они были крупными и красными, похожими на лилии, но больше. И источали волшебный аромат какого-то сливочного десерта: конечно, цветы так не пахнут, но кто запретит юной волшебнице чудить?! На алых лепестках виднелись зеленые крапинки. Музыка звучала все громче и громче, и мне вдруг стало спокойно и весело.

– Не хватает белого, – сказал я, глядя на яркое дерево, вокруг которого вдруг выстроились розовые камни.

– Да-да, я тоже думаю.

София отошла еще на три шага, резко повернулась к дереву и, точно так же, как и с облаками, стряхнула на ветви белые цветы. Они втиснулись меж гигантских лилий, картина стала нежной, свежей. Запахло черемухой и медом. Бабочки так и резвились рядом. Я все думал, не слишком ли здесь для них прохладно, а точнее, не слишком ли бессовестной оказалась ее магия: казалось, красота ее волнует куда больше законов природы. Такой подход гармонично сочетался со всем ее образом: иногда мне приходила мысль, что, назовись она проклятой, я бы ей сто раз поверил, во всяком случае, сходств предостаточно. Начиная с моего желания, не характерного для чистых, заканчивая дорогим и соблазнительным запахом ее тела, который гнал в мою душу густой туман. Сама ее способность заставлять меня обо всем забыть уже навевала размышления о дьявольских силах, но здесь я свою тревогу игнорировал: во мне уже глубоко засело смирение, что я покорно подчинялся темным силам.

Я тоже показывал ей частицу своего мира. Пришлось вместе с ней раздавать еду нуждающимся людям, которые никому не служили: уж так она просила взять ее с собой. Я шел позади, хоть она и не знала дороги, только оборачивалась и спрашивала, куда дальше. До чего было все красиво и светло, пока она, приплясывая, прогуливалась по лесу. Ни разу до этого не видел, чтобы к бедным отправились в обтягивающих брюках. Но, кажется, она бы и не подумала, будто что-то не так. Да и мне было плевать: я больше смотрел на ее воодушевленное лицо.

Сколько бы она ни притворялась, она была очень доброй. Я не впервые видел, как женщина из всех сил прячет свою нежность. Многим кажется, что это дешево и приглушает шарм, однако, некоторые даже при желании не пытаются показаться добрее: для этого не хватает ума и душевных сил. Самая большая глупость – считать доброту слабостью: герои черпают вдохновение для подвигов из доброго сердца и человеколюбия. Стало быть, это большая сила и, как и любая, исходит от любви; да и зло от того же, только в этом случае любовь не выросла дальше пристрастия к вниманию: этот стартовый набор выдается каждому ребенку, и, если он наращивает на него качества слабые, то и на добро сил не хватит. Но это все не о ней. Для нее нет ничего невозможного, и потратить ей себя не жалко. А это и есть доброта: не так важно, за какой она маской.

– Нам еще долго идти?

– Не-а, – говорил я, – там много красивых цветов. Тебе может понравиться.

И ей все нравилось.

В долине храмов было светло. Вдоль дороги выстроились люди. Кто-то прихватил с собой глубокие корзины, кто-то был не в состоянии нести даже их. Но, благо, культ взаимопомощи не позволил бы голодать одному, пока у кого-то есть еда.

Еще удивительнее то, что люди, вынужденные кому-то служить, иногда осмеливаются жаловаться. Боги вряд ли слушают такое с одобрением. Посмотрели бы они на тех, у кого нет кормильцев.

– Здравствуй, Райос, – поприветствовала меня Эмилия.

Эта женщина давно была мне знакома. Я подавал ей и ее семье, да и просто беседовал с ней. Она носила черный браслет на левой руке. Просто так здесь такие не надевают: эти браслеты носят жрицы наемной любви. Куда только одиноких женщин не забрасывает нужда. Это при том, что у нее было множество талантов и развитая интуиция. Многие считали, что у нее дар предвидеть многое. Я уж не стану говорить, что она заглядывает в далекое будущее: мне в такое верить не положено, но Эмилия и впрямь кое-что угадывала. У нее была дочь Кристина, очаровательная девочка: у нее были золотые волосы, совсем не в мать.

Кристина подбежала к Софии. Та наклонилась к ребенку с искренней улыбкой.

– Твои волосы похожи на огонек, – весело сказала девочка.

Софию тронули ее слова: она обняла девочку и взглянула на меня, как бы спрашивая: «Ничего?»

Я понял, что детям она нравится. Не было ребенка, который не подошел бы к ней. Не было девочки, которая не попросила бы потрогать ее волосы. Одной из них она показала свою магию.

– Смотри! – она взяла ее за руку и закрыла глаза.

Я снова увидел яркий свет и услышал шепот заклинания. София отпустила руку девочки и сказала:

– А теперь сожми руку в кулачок и закрой глаза.

Девочка подчинилась, а волшебница щелкнула пальцами.

– Открывай!

Она с удивлением обнаружила, что сжимает стебель красной лилии, и тут же принялась трогать пальцем лепестки цветка.

– Эй! – одернула ее София. – Осторожнее! Гладь с любовью. Он же все чувствует.

Глаза малышки округлились.

– Все-все?!

– Да! Как и ты.

У детей тоже есть какая-то магия: магия непосредственности, искренности, сострадания и восхищения мелочами. Всего этого взрослым так не хватает, что они ищут ощущения в лекарствах и опьянении, хотя самый сильный наркотик позитива бесплатен и легален, пусть и трудно достижим. Это умение быть счастливыми: то, что у малышей получается просто так. Однако, счастье заразно, поэтому, наблюдая за детской радостью, детскими взглядами и улыбками, я становился счастливее даже до того, как начал жить: до того, как встретил Софию.

И, кажется, она с ними чувствовала то же самое.

После этого мы пошли плавать. Вода похолодела, а течение было сильнее обычного. Я боязливо заходил в воду, а София наблюдала с берега.

– Ты собираешься плавать? – крикнул я.

– Успею. Кажется, ты долго будешь разгоняться, – ответила она и брызнула в меня водой.

– Эй!!!

Она только посмеялась и щелкнула пальцами. Надо мной возникла журчащая арка из воды. В ней отражалось дневное солнце, мелькали серебряные рыбки.

Я возмущился:

– Ну-ка перестань, а то всю рыбу распугаешь.

– А ты мне не воспитатель.

Она лукаво взглянула на меня и подмигнула.

– Не вздумай.

София вновь щелкнула пальцами, и я упал в воду, когда на меня обрушилась арка.

– Вода ледяная!!!

А она только смеялась. Камни были такими скользкими, что я не мог встать.

– Я помогу, – сказала она и стала снимать брюки. Я нарочно смотрел в небо, чтобы не смутить ее, но, кажется, она прекрасно себя чувствовала только в рубашке и жилетке. Когда она подала мне руку, я притянул ее к себе, и она с брызгами упала рядом.

– Не самое лучшее поведение для чистого, – смеясь, произнесла она.

Я не мог понять, жарко мне стало или холодно, но покоя не давали блестящие капельки на ее ключицах. Ее будто нарисовали. Она поднялась из воды, и я вдруг разглядел ее тонкие щиколотки, разглядел, что ее кожа ослепительно сияет, и заметил, что сегодня от нее пахнет солнцем.

Я подошел вплотную и поцеловал ее мягкие губы.

– Скорее, – она сказала взволнованно и нетерпеливо.

Когда мы оказались в пещере за водопадом, я не узнавал ее глаз: они глядели так нежно, как-то даже испуганно, но были вдвойне таинственными и завораживающими.

– Чего ты хочешь? – прошептала она. – Мне нужно, чтобы ты сам сказал.

Меня бросило в холодный пот, и сердце стало биться неровно и болезненно. Я смотрел на то, как вода стекала с ее волос и как налились краснотой ее пухлые губы. Густой туман и снова аромат шоколада, и я был чудовищно пьян.

– Тебя, – ответил я.

Она кивнула и улыбнулась, но почему-то по ее щеке катилась слеза. Ее руки торопливо расстегнули жилетку...

Обнаженной я видел ее впервые. Тело было стройным и подтянутым. Узкие плечи, хрустальные ключицы и грудь блестели от влаги и пробивающихся лучей солнца. По ним бежали мурашки и легкая дрожь. Мне хотелось прикоснуться к упругой коже на ее бедрах, но я не мог и сдвинуться с места: меня парализовало восхищение и нетерпение, сковало каждый сантиметр, и неведомый разряд побежал по спине. Она сделала два шага вперед, и ее тонкие прохладные пальцы ловко сорвали пуговицы с моей рубашки.

В голове шумел водопад, сквозь туман слышался ее голос. Она водила руками по моим плечам и целовала в губы. Исчезли всякие мысли. Я слышал ее дыхание, и от него по щекам бежала щекалка.

Мы сидели на песке и нежно касались друг друга. Когда я, наконец, спросил:

– А ты? Чего ты хочешь?

В тот день я прикоснулся к божественному. Я запустил руки в ее огненные волосы и иногда смотрел, как краснеют ее скулы. Вся моя кожа стала липкой и горячей. Когда волшебница касалась моих щек, она не нарочно оставляла на них жгучие ранки: ее первая непроизвольная магия.

– Прости меня, прости, – шептала она.

А я целовал ее в алые губы, благодаря за каждый порез и каждое слово, сказанное ее голосом. За каждый счастливый вздох и за умение жить. За то, что я почувствовал вкус страсти и счастья.

– Прости меня, – сказала она вслух, – прости за все, что с нами случилось.

Я не хотел ее понимать. Потому что она была во всем права. Каждая ее мысль была с моей синхронна. Но думать не хотелось, хотелось только любить.

– Все будет хорошо, – вырвалось у меня.

Стражники пришли на рассвете и объявили меня магом без единого навыка.

Глава 2

* * *

Райос

Пусть изгнание было болезненным, моя душа не пострадала: главный лекарь шел за мной по мокрому темному лесу. Наверное, я обязан ощущать страдание и страх, но внутри были пустота, вакуум и тишина. Под ногами трещали ветки, и накатывал голод. Наверное, в этом теле все ощущается иначе, ведь прежде я не знал, каково хотеть конкретную еду, каково чувствовать сильную сонливость и сомнения: все мысли чистых непоколебимы, а тело крайне редко изъясляет о желаниях. Что же будет со мной теперь? Есть, пить, много спать и бороться с кавардаком в голове – вот, пожалуй, все задачи магов и людей, как мне виделось тогда. Хотя, было ли иначе?

Как будет ощущаться эта жизнь? Страх был совсем другим: как вкус железа во рту, как ощущение, будто кто-то сжимает тело в тисках, как острый комок в горле, который невозможно проглотить, как ядовитые колючки в груди. Другим было и ощущение прохлады. Я мог бы себя успокаивать тем, что в лесу и правда стала холоднее, но я точно знал, что такое чувство мне не знакомо изначально, ни в этой, ни в меньшей степени. Ноги будто оказались чем-то скованными, я не мог пошевелить пальцами и двигался исключительно по инерции: уверен, стоило мне остановиться, как я бы упал на землю. София же шагала уверенно и была крайне спокойной.

– Ты боишься чего-то? – наконец, спросила она.

Я и сам не знал, что отвечать. Не то чтобы я боялся чего-то конкретного. Скорее, меня пугали новые чувства, казалось, что они могут сделать меня слабее. Чистые, наверное, слишком избалованы своей силой и неприкосновенностью. Сейчас же я не знал, в какого человека меня деформирует страх: неспособность это или сила? Это то, что меня уничтожит, или наоборот – сохранит? Где заканчивается самосохранение и начинается трусость? Чего мне хотелось бы больше: храбро рисковать или безопасно для себя прослыть слабым человечком?

Узнавать нового себя мне предстояло еще долго. Если подумать, те, кто родился людьми, тоже работают над этим всю свою жизнь. Я иногда задумывался, каково магу не знать своего предназначения? Это как каждый день проходить мимо сокровищ, не замечая, где они, и мучаясь от голода; только в этом случае сокровища ты носишь в собственном теле. Что если существуют плотники, в которых вложен дар стихосложения? Или те, кто возмнил себя музыкантом, а ему бы лучше лепить вазы. И неизвестно еще, что чаще.

Хотя, учитывая, что страх атакует лучше гордыни, первый случай собрал бы больше примеров. Маг, которому страх неведом, мог бы стать вечным эталоном: ничто не сковывает магию сильнее, чем нелюбовь к риску.

– Да вроде нет, – выдал я, – слегка волнительно. И холодно.

Она кивнула:

– Скоро придем... да и не волноваться не получится. Там все совсем по-другому. Да и маги – это не чистые.

Я вопросительно посмотрел на нее.

– Ну, – протянула София, – наверное, здесь живут для себя. Для магии, для света. Помощь другим наглядна, проста и волшебна, но самопожертвование тут ни при чем. Лечить собственную душу и быть счастливым для себя здесь – единственная формула, единственный правильный ответ на все. Тренироваться, но, опять же, чтобы позже облегчить себе жить. Мы

помогаем, когда душа просит, но это не наша работа. И знаешь, наша помощь более искренняя, более светлая. Ее люди любят куда больше, чем то, что делают чистые, – она сделала паузу и вздохнула, – я видела, как вы раздаете угощения: для вас это работа. Для некоторых, пожалуй, даже тягостная. Это написано на лицах и спрятано в движениях. Если с вами вдруг заговорят, для вас это редкость и везение. А все потому, что люди не видят в вас равных: только снизошедших. А разве кому-то приятно ощущать себя собакой на докормке?

Я не знал, что на это отвечать. Она во всем была права. И это посеяло во мне надежду на сохранность света в моей душе. Для меня открывался новый мир. Я в нем гость: ворчать на него будет грубостью, а правильно – вложить в него то светлое, что есть во мне, чтобы породниться с ним безболезненно и тепло.

* * *

Райос

Софию проклятие настигло в дороге. Стражники возникли из темноты. На нас обрушился удушающий черный дым, носились облака пепла. Впервые я увидел в глазах этой девушки страх. Тогда даже она сбросила маску бесстрашного воина перед силой темных властелинов. Ей все нипочем, но она боялась быть проклятой. Не то чтобы это открытие, но я думал, что ей принципиально только лишь сохранять свою магию.

Тогда я ошибался во всем! Я видел в ней избалованного ребенка. До дрожи любил ее, но не считал серьезной. Сейчас я знаю о ней куда больше, и нет человека, у которого было бы столь же большое сердце. И ни проклятие, ни война, ни даже смерть не убили бы ее волшебную душу. Она строила из себя злодейку, хотя добрее я никого не знал. Пыталась оградить себя от всех, потому что боялась, что на всех не хватит ее любви и душевных сил. Боялась, что причинит боль или кто-то ранит ее, на самом деле, хрупкие чувства. А она была заточена на любовь. Любовь во всех смыслах и представлениях. Любовь книжную и красивую, с фееричными подвигами, жертвами, широкими жестами, нежными разговорами. Она единственная, кто знал, что значит «отдать сердце». А я так и ни разу не спас ее.

Зато она меня. София была моим героем. Я как-то считал и. Я мог бы стать изгоем, никем, мусором около сотни раз, если бы она не оказывалась рядом. Она! Женщина с запахом шоколада. С сияющей кожей и красными кудрями. Женщина, влюбленная в рубины. Которая, стоило ей войти, наполняла комнату духом страсти и весны. Убийца сердец и лучший метатель кинжала, страшная колдунья и храбрый рыцарь. Она! Она! Дуэлянтка, бунтарка. И самое нежное создание в мире, которому нужны были моя любовь и защита. А я не дал ей ни того, ни другого. Как бы ни пытался любить, любил не так, как она того заслуживает. Не много же закладывают любви в душу самодовольным чистым. И здесь мне не помог переход ни в маги, ни в проклятые.

Она была напугана. Процесс оказался жестоким и долгим. София лежала на земле и вскрикивала от боли, пока темный ветер кружил над ее телом. Когда все закончилось, она плакала так тихо, будто боялась кого-то разбудить. На ее руках были порезы, и когда она вытирала слезы, кровь размазывалась по лицу и капала на одежду. На шее были темные синяки: последствия самой черной в мире магии, проклятья; оно оставляет болезненные следы, от которых не всем удастся избавиться. Волшебство Софии будет восстанавливаться долго, ее красота будет демонической, способной сводить с ума; она потеряет ощущения насыщения жизнью, и ей придется сотнями лет искать свое исцеление. И пусть маги тоже долгожители и когда мы встретились, ей было под сотню лет, ощущение времени в проклятом теле совсем иное. Время – единственная валюта и богатство, поэтому проклятие направлено прежде всего на стрелки на часах.

Трава, на которой она лежала, заиндевела, с неба падали колкие снежинки. Я встал и с шелестом листьев приблизился к ней, наклонился и протянул руку. Она села на траву, и, приземлившись, я крепко обнял ее. Она зарыдала. Ее крик эхом отзывался в лесу. Не спугнул только жутких черных птиц. Она прижималась ко мне, вытирала слезы и кровь о мою рубашку, со всей силой цеплялась за мои плечи, отчего казалась беззащитной и хрупкой как стекло. Я старался согреть ее, но сам был холодным как лед. От каждого взгляда на нее у меня сжималось сердце: мой бесстрашный рыцарь превратился в беспомощного зверька. Моя бедная девочка.

* * *

Райос

Она встала через пару часов и мужественно зашагала в чащу леса. Я поплелся за ней. Даже сейчас, сломленная проклятием, она была храбрее и сильнее меня: рядом с ней я непрерывно чувствовал свое ничтожество.

Нас провожал ледяной дождь. Я оглянулся, чтобы посмотреть на черную поляну, покрытую инеем и пеплом, где с нежным звоном на земле возникали красные кристаллики, и подумал, что это место навсегда будет глубокой раной для нас, и ни у одного мага не выйдет создать здесь цветов.

– Назовите имя, – послышалось из каменной будки.

София медленно опустила мокрые глаза. На пункте ее больше не узнают: она больше не маг.

– София.

– Вы больше не живете в своей крепости, – хрипло ответил страж.

– Я знаю. Я провожаю нового мага.

Из-за каменной стойки возник мужчина с черной бородой и желтыми глазами.

– Имя! – буркнул он на меня.

Я ответил, заикаясь. Он прищурился, и возникла пауза: мужчина смотрел в какой-то список.

– Проходи! И девушка. И девушка может проводить.

Его кислый голос только сгустил тягостность вечера, и в желудок опустился колющий комок. Мы вошли в каменные врата. В «Земле» ориентироваться весьма сложно: кругом кирпично-красные башни, одинаковые мощеные улицы и лавки с черными вывесками. Джунгли крепостей и повисшая в воздухе густая влага – так я бы описал эту долину. Откуда-то слышался шум моря, в воздухе пахло тиной и плесенью.

Я бы спросил у нее, сколько нам еще идти, но совесть не позволяла мне открывать рот. Чувство вины бесовски пожирало меня. В каком-то смысле встреча со мной – ее проклятие. Что предстоит мне? Я буду тренировать магию и жить в башне. Звучит не особенно ужасно по сравнению с вечным проклятием, риском стать изгоем и обучением таких же внезапно всплывших магов, как я? То, что жизнь обещает Софии имеет только одно светлое пятно: чудовищное усиление магии. Я бы даже сказал, мучительное усиление. Проклятые усилия не прилагают: они точно знают механизмы, запускаемые их воспаленным сознанием, способны проанализировать любое колдовство с точностью до единого движения, но как же страшно они страдают от того же.

Красные кристаллы в лесу никогда не были в дефиците. Интересно, почему. Они образуются из-за проклятой магии, точнее, из-за избытка гнева и черных желаний, которые вырываются наружу из самых тайных закромов проклятых душ.

В башне было сыро. С каждой ступенькой мне все убедительнее казалось, что я чувствую, как грузик безысходности с удручающим звоном падает на дно моей души. Я старался даже не смотреть на нее: я все ярче ощущал себя чудовищем, губителем ее судьбы. Но я был не

первым и не последним. Как бы мне ни хотелось уместить все в один роман, ее жизнь заслуживает отдельной книги. И я знаю, что невозможно написать воспоминания о себе: никогда не знаешь, какое будет последним, поэтому я не забочусь о том, кто и как использует эти мои записи. Единственное, что для меня важно, – показать миру Ее, великую волшебницу, такой, какая она есть, а не так, как она сама о себе думает: как странно, иногда мне казалось, что она всерьез считает себя злой колдуньей. Но если вдруг успею за три года описать ее, каждый, кому доведется прочитать, узнает, как калечили ее душу и как бесстрашно она сохраняла в себе доброе и сильное сердце. И как берегла чужие. Может, подвиг – это то, что совершается не напоказ? Может, доброта вообще не имеет зрителей, если идет от сердца.

Когда же я успокоюсь, и моя речь обретет объективность без нотки восхваления одной единственной? Никогда. И не потому, что я умру влюбленным в ее душу.

Просто она была центром моего сердца, и я умру с ее именем на устах.

– Вот здесь ты теперь и живешь.

Она не смотрела на меня, а в ее голосе была вязкость и горечь слез.

В тот вечер я любил ее второй раз. Казалось, что наши прежние судьбы прощались друг с другом. Я был дураком: боялся, что в новой моей душе не будет места для любви к этой женщине. Я ошибся.

Но внутреннее прощался. С каждым поцелуем обжигался о ее слезы. Смаковал каждую ранку, которую она оставляла с особой силой. Молился о том, чтобы хоть одна из них осталось шрамом, вечным ожогом, моим талисманом... никакая магия не была бы сильнее этой моей памяти. Ее руки были горячими и мягкими, и я слышал ритмичный стук ее сердца, который успокаивал лучше любой музыки. Никогда я не глядел на нее так внимательно: мои пальцы бережно убрали огненные локоны от ее бледного лица, когда я гладил и целовал ее нежную шею; слева, посреди блестящей кожи был красноватый шрам, который ранее был закрыт мягкими волосами. Следы проклятья не предупреждают о своем проявлении: что-то должно было навечно отпечататься на ее прекрасном теле. Когда я отвел взгляд от ее шеи, то понял, что она знает об этой печати, и ничего не сказал. А должен был только убедить, что, что бы ни было ее частью, все несет в себе красоту и совершенство: будь это шрам или янтарный блеск в ее карих глазах.

Я не был ее достоин, поэтому не заслуживал даже просто и тихо любить.

– Прости меня, прости меня, Райос, – шептала она, – если бы не я, ты бы молился, помогал бедным, был бы чист и счастлив, а я.

– А ты подарила мне способность жить. И все потеряла.

Я повернулся к ней лицом. Странно, но я даже не замечал тогда, что любое движение сопровождалось деревянным скрипом. Ее чайные глаза блестели от тяжелых слез.

– Это мне нужно просить прощения, стоя перед тобой на коленях.

– Не смей даже, – ответила она, – я бы сто раз все потеряла, чтобы любить тебя. С тобой мне кажется, что я имею смысл.

Боже мой, какая глупость. И зря я надеялся, что она получит помилование раньше меня. Вся комната навсегда пропиталась словами и запахами этого вечера. Каждый день я открывал глаза, и с первой секунды меня сопровождал запах шоколада и похоти. Я засыпал с мыслью о Моей женщине и молился о ее счастье так, как будто Боги меня слышали.

Они и не должны были слышать.

* * *

Райос

И вот, меня зовут Райос, я молодой маг. Мои волосы темнеют каждый день, и уже через неделю кудри выпрямились и стали черными как уголь.

– Я Райос.

Гилос закивал. У него уже тогда была белая борода.

– Приступим сегодня же, – прохрипел старый маг.

И мы начали тренировки. Честно говоря, магия в моих горящий ладонях стала отчетливо ощутимой уже на следующий день после перевоплощения. Ночами я просыпался от жара и электрических щелчков: вокруг меня вечно летали какие-то красные светляки. Я не знал, куда направить свою силу. Стоило только поднять руки, как возникали слепящие лучи, и меня бросало в жар. Один раз я чуть не сжег свою простынь. Вот и прекрасные последствия позднего прихода в маги. Двадцать один год ходить в образе святоши, чтобы потом устраивать пожар на ровном месте.

Тренировки были утомительными и неприятными. За лишние вспышки моей магии он бился током как громовержец. Учитывая его облик, это выглядело забавно. Но меня пронизывало его жгучим хлыстом так, что потом неделями гудел позвоночник. Я бы хотел стать сильным волшебником, но с колдовством попрятнее этого. Пока я пытался осторожно и безопасно зажечь фонарь, София своей магией уже могла уничтожать целые города, стоит только щелкнуть пальцем.

– Да успокойся же, – орал Гилос, – магия – это спокойствие и уверенность, а не истерика. Ты еще не работаешь на таких масштабах, когда гнев – лучший помощник.

Что меня успокаивало? Я закрывал глаза и представлял шумный водопад и пробивающееся солнце. Я представлял серебристую воду и вспоминал запах шоколада.

И однажды из-под моих пальцев вылетела дружелюбная искра, и язычок пламени послушно зажег алую свечу. В моей душе вновь зародилось самодовольство.

– Неплохо, – сказал учитель, – вернее, это не самое худшее пламя, которое я видел.

С тех пор во мне зародилось новое чувство – жажда колдовства. Имея в виду, конечно, качественную магию.

Я упражнялся ночью, занимал оттачиванием колдовства все перерывы. Боялся, что меня не допустят к общим занятиям, и я так и останусь тем, от кого отворачиваются на улицах и в коридорах.

Она ушла на другую сторону «Земли» и оставила меня наедине со своими новыми способностями и страхом их не развить.

На кончике каждого пальца были темные пятна, и мои глаза вечно гудели от боли. Я заиклился на создании красивого пламени: мне хотелось, чтобы оно было синим или просто приняло хоть какой-то необычный оттенок. Чтобы оно было моим фирменным. Но получалось только стрелять огромными порциями опасных вспышек, попутно выплескивая розовые камни. Мои кристаллы никогда не достигали серьезного размера: они скорее походили на мелкую кораллового цвета гальку. Выглядело жалко и слегка унижало мое достоинство. Особенно когда я вспоминал кристаллы Софии.

Но, как я усвоил, сравнивать себя с кем-то в мире магов было глупо и губительно. А мне бы следовало уничтожать себя только тренировками и самокопанием.

И вот однажды, когда в моей голове снова шумел водопад и звучал ее нежный голос, я смог извлечь из себя алое пламя. Оно было похоже на гигантский цветок лилии; зависло в воздухе и медленно вращалось, издавая приятный звенящий звук. Я понял, что готов приступить к серьезному обучению. Пусть маги и учатся всю жизнь, но в моей голове не было даже азов. Самостоятельно, да и вместе с Гилосом я просто терялся в информации и не знал, с чего начать. Библиотеки замков казались мне страшными лабиринтами. Все усугублял запах сырости и неулыбчивые люди, которые только и делали, что перешептывались, глядя в мою сторону и показывая пальцем.

Мне даже интересно, что они такого говорили обо мне. Спорили, действительно ли я чистый? Да, теперь это было трудно доказуемо: мои глаза стали совсем черными, как и непо-

слушные волосы, которые вставали дыбом от каждой моей искры. Тем не менее, я все еще пытался улыбаться, когда видел магов. Но никто еще ни разу не улыбнулся мне в ответ.

Честно говоря, возможно, я ожидал учебы еще и оттого, что это увеличивало шансы хоть с кем-то поговорить по душам. Я рос в способностях достаточно быстро, и мне уже казалось, что вот-вот смогу сравниться с Софией (когда она не в настроении или заболела).

Гилос сказал, что я буду готов к серьезным дисциплинам через пару месяцев, а я знал, что к тому времени останусь мальчишкой, который не более чем балуется колдовством. Во всех моих движениях и намерениях была наивность честолюбивого студента. Мне не терпелось становиться лучше, от этого я заменял высокий уровень дерзостью и шалостями. Сейчас мне кажется, что все мои пожары, все мои внезапные ливни, красные цветы и бесконечные розовые кристаллы – все было так жалко, так глупо, так по-детски. Мне казалось, что я упражняюсь, а на деле я, возможно, самоуничтожился. Магия в руках кого-то поумнее, конечно, перемещала в более эстетичный и волшебный мир, где нет места хаосу. Мне казалось, что волшебство – это любовь и гармония, а сам я стал порождать гнев и бардак. Мне далеко было до деревьев с красными лилиями. Далеко до жгучих, но бесценных ран, которые Она оставляла, когда мы были близки.

И вот я снова запускал красочный фейерверк из моих гневных вспышек посреди темного леса, где однажды стражники проклинали эту прекрасную женщину. Искры ослепляли меня, во рту стояла противная сухость. Я поднял глаза, поглядел на небо.

И снова ее голос померещился мне. И говорил, что я все делаю не так.

– Снова ты, – прошептал я.

– Меня давно не было. Мог бы и соскучиться.

Я оглянулся. Прекрасная Женщина и правда стояла рядом.

– Боги.

– Нет, всего лишь я.

Она была иной. Как же сказать. Ее лицо было другим, она была иначе одета, походка тверже и мужественнее, лицо стало еще более породистым и необычным. Она была новой, прекрасной и устрашающей. Черты стали острее, глаза – темнее, но в воздухе пахло страстью куда ярче. Она была одета даже как-то агрессивно: на руках кожаные митенки с металлическими утяжками, из-под пояса все так же виднелся маленький кинжал, на рукояти которого блестел алый рубин. Глубокое декольте темнозеленой блузы притягивало взгляд, как и все та же серебряная цепочка на ее шее. Там все же был тот проклятый шрам, но теперь она носила его так, как некоторые не умеют носить бриллианты. И я снова глядел на нее и сходил с ума от ее стройных ног в черных брюках и высоких ботинках.

– Разбрасываешь магию, как подросток, – сказала женщина.

– А ты научи.

– Себя надо контролировать, Райос. Четко запрашивать в голове, какой результат ты хочешь увидеть. Представлять конечную точку, а не процесс. Иначе никогда не осознаешь, как работает этот механизм.

– Как будто есть шансы понять.

Она взяла меня за руку, и наши пальцы переплелись.

– Смотри на меня, – и я послушно принялся разглядывать ее блестящие глаза.

Моя рука горела пожаром, казалось, что кожа мне мала, и она вот-вот лопнет. Но на ее лице было спокойствие, и я чувствовал, как мысль быстро бежит в ее голове, обгоняя страхи и тревоги: их она всегда игнорировала, когда колдовала. Я пытался осознать свое счастье, но боялся думать, что все это правда: тогда бы было куда больнее видеть, как растворяется ее образ, созданный моим воображением. Но он никуда не исчезал, а наши руки становились все горячее.

– Представь, как растут лилии. Ни о чем не думай, кроме как о цветах. Хорошо. А теперь, – она тяжело выдохнула, – подними руку и продолжай представлять.

Я глядел на свою ладонь. Она была права, все было проще, чем я себе рисовал. Я четко направлял свою энергию, и алый огонек заблестел в паре сантиметров от моих глаз. Он разрастался так быстро... Но цветочный аромат возник еще быстрее. Лилия.

София гордо улыбнулась:

– Я же говорила, что ты справишься.

– Ты как всегда права.

Объятия были теплее этого наколдованного огня. Я вдруг почувствовал, что и в этом волшебном мире я не один.

– Ты смотри-ка, а куда делись золотые кудри? – засмеялась она.

– Остались в долине чистых.

– Так еще лучше.

– Ты прекрасна.

– Да что ты, – засмеялась она, – я теперь типичная злодейка. Разве можно чистеньким любить таких, как я?

– Чистеньким точно нельзя.

Мы снова улыбнулись друг другу, а я подумал. Как быстро я стал испытывать отвращение к своей прошлой жизни. Я уже и не рассуждал о том, чем теперешняя жизнь лучше: теперь все было так очевидно, что все мое чистое время казалось отвратительным и пустым. Я маг, и сюда меня вела судьба.

Мы были вместе и стали видаться достаточно часто. Никто не препятствовал нашей любви, и было нечего бояться: это еще один плюс в пользу магов. Общение с проклятыми – это немалая часть их жизни. Многие преподаватели «земли» перешли сюда из этого ранга: из них получаются отличные наставники.

Я тоже навещал ее в Той части. Замок из черного кирпича, а внутри все почему-то пахло жасмином и сладостью. Проклятые выглядели ярко. Чтобы не сказать горячо. Ну, еще бы, так было куда проще переманивать другие ранги на сторону греха. Однако, они этим не пользовались. Ни один проклятый еще не заставлял кого-либо соблазнять чистых или противоречить богам и стражникам. Речи не шло даже о том, чтобы заражать кого-то гордыней: лично меня от этого всегда отговаривали проклятые. Но этот вирус так быстро пускает корни в сердце, что никто не был в состоянии вылечить меня.

Но об этом позже.

Проклятая София была куда более страстной и опьяняющей, и ожоги от нашей близости были куда серьезнее, однако быстро заживали. Хоть бы один маг мне встретился, который бы мне не завидовал, когда она заходила в башню. Все становились ее влюбленными навечно рабами. Я был самым преданным и верным. Чувство ревности не имело бы смысла: она была неприступной, и взгляд ее электрическим током жег каждого, кто делал намеки или просто с похотью разглядывал прекрасную женщину. Моя защита была не нужна: уже на второй неделе все в долине признали ее, как сильнейшую. И до какой-то поры у меня не было и тени зависти.

* * *

Райос

Я вошел в зал. Полы были до жути скользкие, и каждый шаг сопровождался эхом.

– Ты опоздал, – сказал Гилос.

Да, я опоздал, потому что рано утром в комнату вошла София и освежила мои ожоги.

– Извините, – ответил я и огляделся.

Таких как я в зале было пятнадцать. Темноволосые, рыжие... здесь будто собрали людей с крайне высокой контрастностью внешности. Эльфы бы удивились тому, насколько здесь все разные. Все же внутри одного времени года, одной стихии и прочее, они были похожи друг на друга: вернее сказать, эльфы одной функции – это лица одной и той же породы.

Ко мне тут же подошла девушка с белыми волосами. На ее светлом лице крайне выделялись темные брови и глаза. Будто ее кто-то нарисовал для детских комиксов.

– Привет, – сказала она удивительно бархатным голосом, – я Карина. А тебя раньше не видела.

– Райос, – тут я протянул ей руку, но она пожала ее после большой паузы. Все разглядывала меня, будто со мной что-то не так.

– Ты симпатичный, – наконец, произнесла она, – будешь выбирать факультатив, запишешься на зелья. Тебе пойдет.

С этими словами она отошла на несколько шагов.

Зелья? Не самое эстетичное занятие для девушки-мага. Я, честно говоря, и вовсе думал, что ими занимаются одни старики.

Кто мог знать, что эти ее слова перевернули мою жизнь? Я записался туда в этот же день. Уж не знаю, дело было в ее обаянии или я просто не рассматривал другие варианты, кроме тех, которые имели четкое и понятное название. Что звучит легче «Зелья» или «Физических и психологических последствий ядов и кратковременных порч»? Вот и думаю.

Ну, а пока мы инсценировали магические дуэли. Меня ставили с парнями значительно младше: я был не особо силен в сражениях. И даже они укладывали меня минут за пять. У некоторых сражения длились по полчаса. Не сказать, что у меня были жуткие комплексы по этому поводу, но все же неприятно. Моя первая дуэль оказалась унижительной.

– Я Элиуд, – представился парень. У него были черные волосы, собранные в хвост, и почти эльфийская внешность.

Я едва успел кивнуть и представиться, прежде чем в его руке возникло зеленое пламя. Через секунду все тело бросило в жар, и казалось, будто в мой мозг впиваются сотни маленьких игл. Я вскочил и рассыпал по залу искры. Парень подлетел к потолку, я бросился за ним. Удерживать свои килограммы в воздухе я умел плохо, поэтому благодарил богов, что на этой высоте он начал рукопашный бой, а не магический. В таком случае у меня было больше шансов на успех, и я хорошенько врезал ему по лицу.

Сильно же мной бы гордились лидеры чистых. Вот так запросто и с радостью сломал ему нос.

У него загорелись глаза. Я с ужасом как заколдованный уставился на этот страшный алый блеск. Жуткое зрелище: то ли маг, то ли проклятый. И как в мои чистые пальцы получили способность вызывать подобный гнев.

Он сжал ладони в кулаки, и яркие белые молнии посыпались в мою сторону. Я упал на холодный пол и, насколько я помню, сломал ногу. Он подлетел так быстро, что я мог только успеть позавидовать этой телепортации. И я лежал на животе, он создавал из ледяного воздуха и молний волшебные оковы. Я дергался, точно нелепое насекомое. Что ж, благо, такого позора больше не повторялось.

Я не буду описывать, как убивался на тренировках вне своего графика. О таком есть куча книг. Но азарт и ненависть к проигрышам подогревали меня все сильнее с каждым днем. Ну и, конечно, желание хотя бы сравниться с Софией. Однако, я прекрасно осознавал, что пока на ней проклятие, это категорически невозможно.

Итог такой: через месяц я уже был способен победить в дуэли всех, кто со мной учился, кроме Карины... понять не мог, что не так с этой девчонкой. И вроде она никогда не была сильнее. Да и не было такого, что она владела особыми приемами. Но смекалки и хитрости у нее было столько, что я не успевал за ее мыслями. Пару раз бывало и такое, что она притворя-

лась побежденной, или вовсе делала вид, что потеряла сознание. Все это было так убедительно, что я моментально начинал чувствовать стыд и тревогу. Но она вдруг вставала и со смехом запускала какой-то ядовитый шар. Кажется, он был ее собственным изобретением, и рецепт такого оружия она никому не говорила.

Кстати, называть технику заклęcia «рецептом» – это ее фишка. Может, девчонка была слишком увлечена зельями, и постепенно смешивала понятия с остальной своей жизнью, которая была весьма насыщенной: она успевала бывать во всех секторах «земли» и везде находила друзей. Она раздражала меня своей бесконечной радостью и жизнелюбием. Мне все время казалось, что эти ее особенности ничем не подкрепляются. Тогда я не допускал, что быть счастливым можно просто так.

Да и что бы не радоваться, когда никто не может тебя победить? Может, я завидовал тому, что сам никак не мог почувствовать того же?! Тому, что не знал, какой он, запах побед?

Если он такой же, как аромат этой девчонки, то победы определенно пахли лимонадом, мороженым и зефиром. Она была взрослой, но пахла как маленькая. И это, опять-таки, меня бесило.

И еще меня бесило, что Карина по-доброму, подружески предлагала помощь в виде совместных тренировок. Это была доброта, но я слышал в этом только «ничего страшного, что ты ничего из себя не представляешь. Научить тебя смогу только я. А пока наблюдай за моим ослепительным успехом».

Я согласился через неделю после того, как она впервые предложила.

* * *

Райос

Мне было больно признавать, что она действительно ощутимо лучше меня. Я завидовал ее скорости, хитрости и технике. Все для нее было легко и естественно в то время, как я без конца стирал холодный пот со лба.

Она не смеялась надо мной, но всегда снисходительно улыбалась, отчего я чувствовал себя идиотом. Но ладно идиотом, так я еще и ощущал чувство вины за очевидно лишнюю агрессию в ее стороны. И попадал в замкнутый круг: злился, что она ставит меня в такое положение, расстраивался из-за того, что злился... Может, в контроле над моими эмоциями и была ее скрытая магическая сила.

Изо дня в день она побеждала меня. Один раз я так круто отлетел в стену и ударился затылком, что грохот стоял на весь этаж замка.

Она тут же подбежала ко мне.

– Господи! Райос...

Я не мог пошевелиться: меня отчего-то парализовало, какая-то ледяная обида бежала по моему телу.

Девчонка без спроса развернула меня спиной к себе.

– Не переживай, я сейчас.

Карина закопошилась в своей оранжевой нелепой сумке. Оттуда слышались шорох, звон и какой-то треск.

И, наконец, она достала бутылку светящейся жидкости и полила ею свои руки.

– Боги, а руки-то твои при чем?! – возмутился я.

– Заткнись! У тебя тут кровь.

Что ж, вряд ли это такая ситуация, в которой я мог бы огорчиться из-за ее грубости: все же казалось, что она хочет меня спасти.

И тут она прислонила свои блестящие ладони к моей голове...

Ощущения были такие, словно по моим волосам льется прохладная вода и внутри воцаряется удивительное спокойствие. Тепло ее рук и слегка подмораживающее обезболивающее в сочетании давали сильный эффект: через пару минут кровь перестала идти, боль утихла. Я чувствовал себя даже лучше, чем до удара. Странная дрянь. А главное, неизвестно, как ей это так легко удалось. Исцеление – не самое простое колдовство даже для зрелых магов. Но тут. Не хотелось признавать, но и в этом у нее был талант.

– Как ты это сделала? – спросил я.

Она подмигнула:

– Легко. Видишь бутылку? – она подала мне ее, и я принялся разглядывать блески, вальсирующие в золотистой жидкости. Свет падал на тяжелое стекло, и по стенам бежали белые лучики и волны: красивая магия искажения, которой я уже овладел, но редко применял: огонь занимал меня куда больше. А перламутровые узоры уже плясали на потолке, рисовали крупные пятиугольные звезды, кленовые листья. От таких наблюдений у меня начинала кружиться голова. Значит, как и в случае с обаянием Карины, восхищение сочеталось со странным дискомфортом и желанием все прекратить.

– Ты так долго не смотри, а то еще ослепнешь.

– Серьезно? – испугался я.

– Нет, конечно, я просто шучу... Это зелье мгновенного исцеления. Но оно простое... ну, знаешь, ушибы, раны, головная боль.

– Понял.

– Да. От серьезного вряд ли поможет. Но ты же и такое не можешь сделать, правда?

– Я не хожу на зелья, – сказал я. И это прозвучало как отвращение.

– Сегодня пойдешь. Тебе будет полезно.

Меня бесило, что она решила все за меня, но показалось, что лучше будет ей довериться: лучше поверить тому, кто явно меня превосходит. Узнать, так сказать, чем питаются чемпионы.

* * *

Райос

Я ничего не ожидал от зельеварения. Честно говоря, мне это виделось занятием для стариков или бестолковых женщин, которые особо не стремятся в достойные маги. Я относился к зельеварам предвзято: они были для меня низшей магической кастой. Как будто бы, если бы пришлось заниматься этим, это бы задело мое уже раздутое эго. Куда деться от звездной болезни, когда у тебя из ничего получается такой красивый огонь? Из воздуха роскошное пламя. Я начинал собой гордиться. Хотя, как только вспоминал костер в исполнении Софии, мне сразу становилось чуть хуже. Но черт. Уж к ее-то уровню стремиться смысла нет. Тем более после проклятия, когда все ее силы только приумножились и стали максимально управляемыми. Однако, в истории магических дуэлей есть много случаев, когда эмоциональность магов, их способность к вспышкам и выплескам гнева создавали достойное преимущество даже в схватках с проклятыми.

Много интересного я узнал, когда стал жить в «Земле». Занимательно и то, что пламя или цветы, созданные волшебником, весьма ярко ассоциировались с их создателями. Взять хоть этого парня, Элиуда: черные волосы, эльфийские болотные глаза, немного жутковатая мимика и прихрамывающая стариковская походка. Почему-то для меня неудивительно, что его огонь был зеленым. Хотя, может, я просто сошел с ума. Однако, у Карины пламя было лимонно-желтым. И все равно: наверное, это совпадение.

Еще одно наблюдение: не всегда тот, кто ловок и силен в жизни, добивался успеха в волшебных схватках. Более того, чемпионом мог стать тот, кто в иных обстоятельствах казался заторможенным.

Пока зельевары в моем личном рейтинге опускались в низшую касту, дуэлянты поднимались на его вершину. Меня захватывало даже не наблюдение за их техникой: поражала скорее разгорающаяся агрессия. Как много, я думал, в этом человеческого. В чистых не было самого жизненного, самого живого: способности злиться, умения испытывать дискомфорт: цена их любви была ничтожно мала, ведь ненавидеть они не умели. Злость – красивая штука. Маг становится собой, раскрывает свое лицо, свою силу, мимика и его черты становятся более выраженными даже несколько пугающими. И мне нравился страх перед гневной магией, я смаковал учащение сердечного ритма, дрожь в пальцах, и покалывание в груди. Я бы хотел еще сто раз так испугаться. Знаете ли те самые шутки об опасных профессиях? Что их выбирают потому, что боятся быть испуганными.

Охрана наших городов – это мастера поединков не просто так. В такое дело идут те, кто не может утолить жажду опасности.

Что касается зельеварения. Я пришел в отдельное здание, где почему-то пахло апельсиновой цедрой и карамелью, пусть я и ожидал запах плесени, как в большей части района. Видимо, боги решили, что обучение колдовству непременно должно сопровождаться ароматом старых тряпок, хотя единственной тряпкой тут был я. В комнате все было симпатично и аккуратно. За окном розовело небо, темный вечер жадно пожирал краски прекрасного солнечного дня. Да и, впрочем, здесь было много красивых магов.

А я любил смотреть на красивых людей. И, кстати, не видел в этом ничего постыдного. Кто бы что ни говорил про разгадку чьего-то там внутреннего мира, я всегда отрицал, что между обликом и этим самым миром нет никакой связи. Ни разу не было такого, чтобы мне встретился человек, с которым реально было бы вести захватывающие беседы, восхищаясь его внутренней уникальностью и скрытой силой, при этом снаружи он выглядит просто, и взгляд ни за что не цепляется, ничем не обжигается, когда касается его лица. Нет уж. Если кто-то горяч, это касается и внутренней, и внешней харизмы.

Сложно только оценить в этом самого себя: есть подозрения, что после перехода, я стал отвратительным и снаружи, и внутри. Но София всегда убеждала меня в обратном. А может, она делает это по доброте? Хотя, никогда не замечал в ней неискренности. В этом она была почище, чем я, даже в те времена, когда была магом. Да и после проклятия она осталась все той же: удивительно светлой и умела любить как никто другой.

Так что, понадеюсь, что она меня не обманывала.

– Привет, красавчик, – сказала Карина.

– Да, Райос, можешь занять место рядом с Кариной, – прохрипел Гилос.

По комнате прокатились перешептывания и смешки. И Элиуд выпалил:

– Если, конечно, твоя ведьма не против.

Мне показалось, что какой-то горячий хлыст ударил меня в грудь.

– Что ты сказал?

– А что ты слышал? – усмехнулся он. – Разве не ведьма заходит к тебе чуть ли не каждый вечер? Она выглядит так, что ослепнуть можно. Стало быть, точно проклятая. Что же, чистенького на грязь потянуло? Как ее там. София, да?

Я не знаю, что со мной произошло, но я будто целиком окаменел. Мое тело не слушалось меня, а внутри дергался какой-то бес. И вот оковы спали, и я не понял, как запустил яд в лицо этого парня. Он взвыл от боли, но я набросился на него как хищный зверь. Я на секунду отвел руку в сторону и наколдовал из воздуха маленький кинжал. Пару минут мы с ним катались по полу в драке, которая скорее походила на конвульсии. А потом.

Я приставил кинжал к его горлу и заорал:

– Ни один чистый, маг, эльф и человек не смеет опускать ее имя. Ты не стоишь ни одного ее вздоха!!!

Мальчишка затрясся и закивал.

Я слез с него и поймал на себе удивленные взгляды. Да, я чудовище. Но до меня дошло кое-что еще: я дрался втрое лучше своего обычного уровня. Боги подарили мне гнев, освободивший мою магию.

Я взглянул на Карину. И она весело мне подмигнула. Я и Элиуд вернулись на свои места.

Удивительно, что Гилос в это время слился со стенами и молчал. Как это объяснить? Наверное, он знал, чего можно ожидать от меня: что я не убийца, да и Элиуд не дал бы себя в обиду. Он хотел, чтобы я выпустил зверя наружу. Может, он даже обрадовался, когда возник повод для моей ярости. Гилос знал про Софию и ни разу меня не упрекнул. В отличие от многих, он считал, что сердечные дела не подлежат комментированию, каким бы неоспоримым ни был его авторитет.

– Разберем основные ингредиенты успокоительного. – сказал старик с легкой иронией. – Кто назовет основу?

Что ж, вопросы на этом занятии были для меня втрое интересными, потому что я не только не знал ответов, я даже не понимал самого смысла, то есть о чем меня вообще спрашивают. Все бойко отвечали, а я только и успевал, что переводить взгляд на лица волшебников. Чувствовать себя идиотом я уже привык, но все равно было странно видеть, что те, кто уступают мне в магии, оказались способными к теории зельеварения. Карина и вовсе виделась мне легкомысленной и простой, но теперь же она отвечала лучше всех. Да и, признаться, в этих зельях было кое-что интересное. Например, непостоянство цвета. На нем отражалось практически все: характер мага, его настроение в конкретный час, погода, то, насколько трагичен случай, когда оно используется и т. д. То есть, блестящая и золотая микстура исцеления была такой не просто так: девчонка не нарочно вложила туда часть себя. Видимо, какую-то блестящую золотую часть. Я задумался о том, какого цвета было бы мое лекарство, как тут Гилос заорал:

– А ты, Райос, мог бы и ознакомиться с литературой, прежде чем сюда приходить.

Я вздрогнул. Карина пропищала:

– Это я его привела. Он вообще не хотел приходить. Но мне кажется, Райосу не хватает именно этого.

Гилос закивал:

– Возможно, так и есть. Посмотрим.

Его загадочное «посмотрим» иногда выводило меня из себя. Сейчас мне думается, что, может быть, он боялся ошибиться в чем-то, и в таком случае впечатление и легенды о его гениальности и безупречности мигом бы порушились. Хотя, он не был похож на того, кто до дрожи боится чужого мнения: иначе разве он мог быть таким странноватым?

Каковы основные принципы зельеварения? У нас есть основной перечень ингредиентов и тот, который разрабатывает под себя зельевар. Но даже если оба списка идентичны, два профессионала не могут приготовить полностью одинаковые напитки. Зелье – это, как выяснилось, абсолютно все: усиление магии, расширение способностей, контроль здоровья, эмоций или даже целый комплекс заклятий в одной бутылке. Можно заключать в пробирку чувства, пристрастия, человеческие дефекты и способности. Но никто не смог еще изготовить бессмертие.

Я сошел с ума. Это случилось вскоре. Между первым уроком и моим безумием было буквально пару месяцев. И нет ничего такого, что мне больнее произносить. Я стал другим. Неизменной осталась лишь моя страсть к Софии. Я не переставал ее любить: за нее я все так же отдал бы и жизнь, и разум; я перетерпел бы любую боль. Но теперь страсть была для меня на первом месте. И первое, что я видел в ней, – это ее прекрасное тело и мое с невероятной скоростью растущее желание. Теперь я сходил с ума от того, как ее хочу. Это было нездорово,

неуважительно и грустно. Она была для меня всем, но я забывал об этом и брал ее грубо, как уличную девку. Я стал чудовищем, похотливым псом. Осознавал ли я это тогда? Конечно, да. Но старался о таком не думать. И мучал ее тем самым. Она приходила в слезах, рассказывала о том, как больно жить с проклятием и черным гневом в душе. Я слушал ее, вытирая ее слезы, говоря общие слова и фразы. Обнимал ее как бы в утешение, а на самом деле искал повод прикоснуться. Всеми силами играл сочувствием в глазах, пока мое тело и мои мысли меня подводили. Она плакала, она спрашивала, что ей делать, а я бессовестно давал советы, и хотел иметь ее снова и снова. И ничего кроме. Только слушать ее вздохи и крики, обжигаться о ее грудь и вдыхать запах вишни и шоколада. В моей голове был пожар. Подозревала ли она, что я думал лишь об этом? Наверное, да. Но прощала меня.

И я тогда тоже себя прощал. Мне даже иногда казалось, что она сама виновата, что все сложилось вот так: в конце концов, она соблазнила чистого. Она видела, к чему все ведет. В конце концов, она сама знает, как выглядит. Она знает, на что способна ее красота. Она, она во всем виновата. Я всего лишь раб ее тела. И с тех пор, как стал магом, я больше не обязан быть идеальным. Я не должен сдерживать свои желания. Если я и чудовище, это она сделала меня таким. Я не жалею об этом, но и чувства вины у меня не было. Впрочем, у меня не было никаких мыслей и желаний кроме первобытных.

– Ты выглядишь прекрасно, – говорил я ей, как только она входила.

Я никогда не врал ей: она была всегда обворожительна. Но я не смотрел ей в глаза. Иногда я просто хватал ее за плечи, и начинал расстегивать корсет.

– А как же «я люблю тебя, София»? – напоминала она.

– Я люблю тебя, – говорил я абсолютно искренне, но не так. Моя красивая женщина заслуживала другого признания. Не моего.

Она меня околдовала, разве нет? Моя грязь – ее ответственность.

Представьте себе, я тогда верил в это. Вернее, мне было проще всего так думать: будто я сошел с ума из-за нее. Из-за моей женщины, которая пахнет шоколадом.

* * *

Райос

– Так что там с зельями? – спросила София, застегивая на себе мою рубашку.

В комнате трещал камин. От мятого одеяла пахло ванилью. Разговоры о серьезном никак идти не могли, пока она лежала в одной только рубашке, и я поглаживал ее колени.

– С зельями? – переспросил я.

– Да, ты же про них говорил.

– Ах да. Ну знаешь, неплохо. Мне кажется, меня может это увлечь. Тем более, что я слабоват как маг.

Она посмеялась и села, подогнув под себя ноги.

– Не слишком ли много неуверенности? Ты очень талантлив.

– Ну, откуда ты знаешь? Ты только пару раз видела, как я колдую.

– Зато, – она многозначительно закатила глаза, – я видела, как ты делаешь многое другое.

И получается достаточно горячо.

– Да при чем тут это?! – возмутился я.

– Очень даже причем. Талантливые маги – яростные, экспрессивные и диковатые. Совсем как ты теперь. Может, ты просто создаешь не те ассоциации?

Я ничего не понял, поэтому огрел ее вопросительным взглядом.

– Что ты представляешь, когда колдуешь?

Я вдруг понял, что в моей голове вакуумная пустота, когда я стараюсь извлечь из себя жалкое подобие волшебства. Я будто отсутствую, или наоборот: яростно пытаюсь сосредоточиться, или вовсе нарочно выбрасываю мысли из головы.

– Ну, ничего.

Сказать, что у нее на лице был шок – ничего не сказать. Будто я только что сказал, что не ел неделю.

– Странно, что ты вообще на что-то способен.

– Чего?

– Знаешь, – она придвинулась ближе. Магия – это чувства. Ты не можешь просто приказать своему телу выпалить что-то волшебное. Ты должен этим гореть.

– Чего?..

Она посмотрела на меня, как на придурка.

– Что тебя будоражит, Райос?

– Ты. Только ты. И такие вечера, как сегодня.

Она сперва посмотрела так серьезно. Ее взгляд будто говорил: «О, Боги, как многому мне придется тебя научить». Она была прекрасна. Кажется, в тот момент я снова влюбился в нее. Ее скулы при этом освещении казались еще острее, а черты лица были выразительными и прохладными. А большие блестящие глаза сияли так, что мне чудилось, будто в них пляшут желтые искорки. Губы, которых я касался агрессивно и страстно всего пару минут назад снова показались удивительными и неизведанными. Затем она засмеялась так открыто и искренне, что это запустило электрическую щекотку в мое сердце. Такой эффект длился не долго: я тут же снова стал думать о том, как бы взять ее на подоконнике.

– Тогда попробуй думать обо мне, когда колдуешь. Потом подкрепишь это зельями, и станешь великим магом. Раз уж у тебя и без этого что-то получается.

– Попробуем? – спросил я, подмигнув.

И мы тренировались. Я отворачивался и вытягивал из воздуха цветы, птиц и все прочее, что у меня получалось через раз. Однако, сейчас все было особенно успешно.

– Ничего себе, – удивлялось она, – ты слишком молод для такого успеха.

– Но ты же была лучше!

– Куда тебя до меня?!

Ее улыбка скрашивала любую иронию.

– Поговаривают, ты уже достаешь из воздуха кинжалы. Покажешь? Надеюсь, метать умеешь?

С этими словами она встала и расстегнула рубашку. Она кинула ее мне и встала у стены, нарисовав углем черту чуть выше собственного роста. Теплый свет в комнате делал ее еще привлекательнее: ключицы так здорово выделялись, что я все рассуждал, какие красивые ожоги они бы сейчас оставили на моем теле.

Я повиновался ей. Вытянул правую руку и легким поворотом кисти вытянул кинжал ниоткуда. На его рукоятки был сапфир.

– Изящно, – восхитилась она.

Да. Мне даже было жаль, что он исчезнет, как и любой наколдованный предмет. Я смотрел на нее. И был поражен тем, как она в меня верит. Но и я не ошибся. Никогда бы не рискнул ей, если бы не был уверен, что все будет как надо. Лезвие кинжала послушно вошло вдоль нарисованной черты. Она оглянулась и восторженно закивала.

– Мой герой.

Я взял ее на руки, посадил на подоконник и прошептал.

– Я сделаю все, что скажешь. Только скажи, чего ты хочешь.

Она поцеловала меня, и я снова был пьян от вишнево-шоколадного аромата. Этой ночью она помогла мне стать хорошим магом.

* * *

Райос

Я продолжал занятия с Кариной. Она делилась своими приемами, не стеснялась ошибок, рассказывала о том, чего раньше боялась и как с этим справиться. Разговоры казались мне откровенными и личными, ведь я бы никогда не решился вот так рассказывать кому-то о своих слабых местах, тем более, рассекречивать собственные приемы: многие мною воспринимались как соперники, может, поэтому у меня было бы мало шансов найти друзей, если бы не дружеские любие девчонки. Тогда я начал думать, может, мне стоит пересмотреть свое отношение к ней. Я рискую остаться в одиночестве, так как особо никто не тянется к общению со мной после того сражения с Элиудом: кажется, я все же был слишком жесток, кинжал, наверное, был лишним.

– Надо освоить вот такой кувырок, – сказала Карина и мигом разбежалась. Она бесшумно перевернулась в воздухе и приземлилась в другой части зала, – так ты будешь быстрее добираться до дальних точек. Поможет, если будешь драться.

– У тебя это получается очень тихо.

Я уже не скрывал своего удивления, касающегося ее способностей: хотя сперва мне было неловко, ведь она могла счесть это за восхищение.

– Да, – гордо отвечала девчонка, – тренировки... и я тиха как кошка.

– А может, и зелье для этого есть?

Она посмеялась.

– Может, и есть. Но у меня такого никогда не было. А так, изготовить можно что угодно. Вот ты и попробуй.

– Я лучше в кувырках поупражняюсь.

И я понесся вдоль стены. Не буду описывать все в красках: я не рассчитал кувырок и врезался в стену.

– Опять?

– Нет, – закричал я, – на этот раз я не ушибся.

– Кувырок можно сделать и покомпактнее. Подумай о чем-то хорошем.

О чем-то хорошем? При таких инструкциях в голову шла лишь София. Я вспомнил тот вечер, когда мы упражнялись, и я понял, что меня вдохновляет. Я закрыл глаза и представил ее. Представил ее дыхание, запах, улыбку и мягкость ее губ. Когда я набирал скорость, то думал о том, как она метает кинжалы.

И я приземлился отлично. Когда огляделся, понял, что я был в метрах двадцати от Карины, что неплохо для первого раза.

Но она сказала:

– Могло быть и быстрее. Для этого есть зелье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.